

Елизавета Дворецкая
ЩИТ ПОБЕРЕЖЬЯ
Книга первая. Восточный Ворон

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Щит побережья. Книга
1: Восточный Ворон**

«Автор»

2004

Дворецкая Е. А.

Щит побережья. Книга 1: Восточный Ворон / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2004 — (Корабль во фьорде)

Усадьба, где живет Даг сын Хельги, издавна зовется «Мирной землей». Но на самом деле этот тихий уголок уже стоит на краю гибели. В горах бушуют неведомые злые силы, сгоняя к селению троллей и оживляя мертвецов. С севера наступают безжалостные захватчики, а вождь пропал без вести в далеких краях. Даг отправляется на его поиски, чтобы уберечь родной край хотя бы от раздора. Кругом царит хаос, и даже Восточный Ворон, дух-покровитель этих мест, вынужден спуститься на землю. Но в неравной борьбе и с живыми, и с мертвыми люди могут рассчитывать только на себя.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елизавета Дворецкая

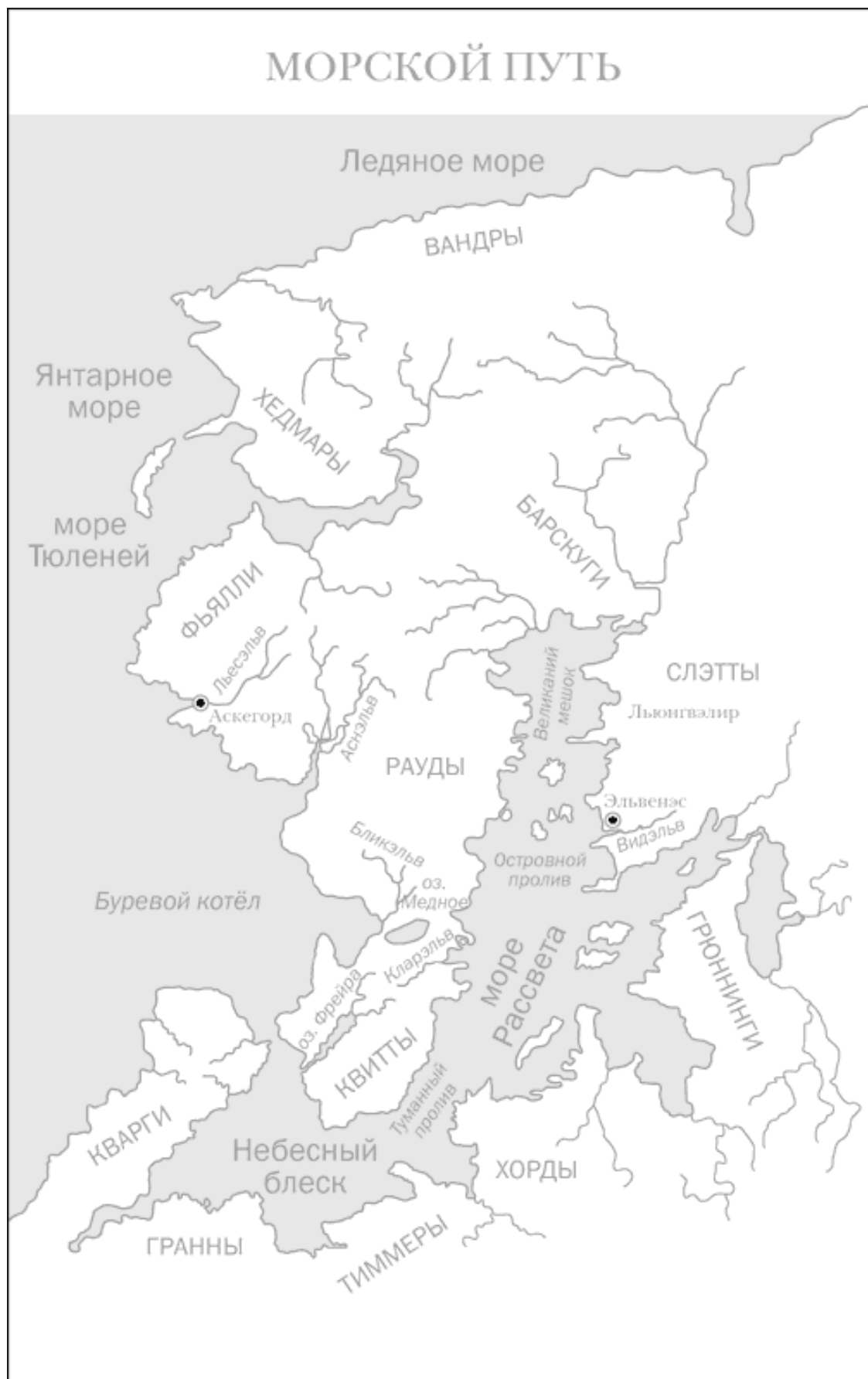
Восточный ворон

*Молод я был,
странствовал много
и сбился с пути;
счел себя богачом,
спутника встретив, –
друг – радость друга.*

Старшая Эдда (из «Речей Высокого»¹)

Давать должен тот, кто сам имеет.
Младшая Эдда (слова конунга Хрольва Жердинки)

Глава 1

Усадьба Тингваль – Поле Тинга* – издавна славилась как самое спокойное место на всем восточном побережье Квиттинга.² Поэтому когда заезжие соседи рассказали, что видели на перевале Седловой горы тролля, им никто не поверил.

– Тролля? – недоверчиво переспрашивали домочадцы Хельги хёвдинга* и переглядывались, не особенно стараясь скрыть усмешки. – А что ты пил перед этим, Кнэль? Не брагу ли старой Трюмпы?

– А может, это было кривое дерево? – уточняли другие, знавшие, что Кнэль Берестяной Короб если и пьет, то никогда не напивается до видений.

– А может, это был великан? Только маленький? – предположил Равнир, первый красавец и первый насмешник хёвдинговой дружины. Это был высокий и довольно стройный парень с длинными, зачесанными назад светло-русыми волосами, лицо его портил только заостренный кончик носа. На шее он носил ожерелье из крупных, кое-как обточенных кусков янтаря, словно хотел сообщить свое имя каждому встречному.³

– Поди посмотри сам! – не сдерживая досады, ответил ему Кнэль и бросил на хирдмана* горячий гневный взгляд из-под обиженно насупленных бровей. После недавнего приступа страха он злился на весь свет. – Что еще ты сам запоешь, когда его увидишь!

– Очень мне надо! – весело отозвался Равнир и подмигнул стоявшей поблизости девушке. – У меня и тут есть на кого посмотреть!

– А что, он у вас отнял что-нибудь? – сочувственно спросил Орре управитель, оглядывая лошадей, навьюченных мешками и корзинами.

Кнэль не ответил, но его лицо омрачилось еще больше. Вопрос Орре попал в самое больное место. Когда в десяти шагах впереди на лесной тропе прямо из-под земли вдруг вырос тролль, огромный, больше человеческого роста, с облезлой опаленной шкурой, краснорожий, уродливый и свирепый, вся челядь в ужасе кинулась бежать вниз по склону Седловой горы и второпях бросила лошадь, нагруженную ячменем, рыбой, солодом и еще кое-какими припасами для йоля*. Причем принадлежала она Аудниру хёльду, по поручению которого Кнэль ездил торговать, и последнему еще предстояло отвечать перед хозяином за потерянное имущество.

– Да уж, Ауднир хёльд не обрадуется! – Домочадцы Тингваля сокрушенно качали головами, зная бережливость соседа. – Такой убыток! А что взыщешь с тролля! На него ведь на тинге не пожалуешься! Ну да ты не печалься особенно, Кнэль. Ты же объявил о нападении в первой же усадьбе, так что хозяин с тебя не спросит.

Только Кнэля это мало утешало. Он знал, что хозяин непременно спросит за пропажу, притом именно с него.

Зато йомфру* Хельга, дочь Хельги хёвдинга, пришла от рассказа в настоящий восторг. Она засыпала Кнэля вопросами:

– А тролль был очень большой? Больше тебя? И больше Дага? Нет, это уже великан, настоящий великан! А вы его близко видели? А его морду ты разглядел? А кто разглядел? Ну, не может быть, чтобы никто не разглядел! Иначе как же вы догадались, что это тролль? А он что-нибудь сказал? А у него был хвост? Или хотя бы острые уши?

Но Кнэль был не в настроении отвечать на все эти вопросы, тем более что и ответить ему было нечего. Ту рослую фигуру, что вдруг возникла под елью, такая же темная и шершавая, как еловая кора, не требовалось разглядывать в поисках острых ушей и хвоста. От нее веяло такой жутью, что волосы шевельнулись, а ноги сами собой побежали прочь, не советуясь с головой.

От дальнейших нападков Кнэля избавила мать хёвдинга, фру Мальгерд. Она по-прежнему властвовала в усадьбе, тем более что Хельги уже лет десять как овдовел.

² Названия стран, племен и прочие понятия, относящиеся к сериалу, см. в Указателе имен и названий в конце книги.

³ Имя Равнир означает «янтарный».

– Не приставай к человеку, Хельга! – сказала она внучке. – Он и так пережил кое-что, чего не желает тебе. Я верно говорю, Кнэль?

– Но разве это может быть? – спросила Сольвёр, одна из служанок. Девушка еще улыбалась забавному рассказу, но считала, что шутку не следует слишком затягивать. – У нас тут отроду не слышали ни о каких троллях.

– Я-то слышал! – с притворной многозначительностью вставил Равнир и снова покосился на Сольвёр. Он не упускал случая произвести впечатление.

– Еще бы – с такими-то большими ушами! – поддел его Рэвунг, парнишка из челяди.

Сольвёр улыбнулась, но ее недоуменный взгляд был устремлен на хозяйку. Мать хёвдинга незримо держала на своих плечах всю большую усадьбу, и домочадцы почитали ее не меньше, чем хозяйку Асгарда*, богиню Фригг*.

– Сейчас может быть все, что угодно, – со вздохом ответила фру Мальгерд. – Эта война все перевернула вверх дном. И люди, и тролли сорваны со своих мест, и все ищут себе приюта. Все может быть. Все может быть... И если этот тролль все-таки придет к нам в усадьбу, скорее всего, нам придется его принять.

– Тролля? – хором ахнули все стоявшие вокруг женщины и даже кое-кто из мужчин.

– Да. – Фру Мальгерд кивнула. – Нельзя нарушать обычай. Недаром говорится: чужая беда может стать и твоей.

Старая хозяйка пошла к дому, домочадцы провожали ее изумленными взглядами. Конечно, усадьба Тингваль считалась «мирной землей» – здесь принимали любого, кто нуждался в помощи, и даже убийца мог чувствовать себя здесь в безопасности. Но тролль!

Теперь уже никто не улыбался. Появление тролля еще могло оказаться шуткой или недоразумением, но война, увы, была правдой. На восточном побережье Квиттинга не очень хорошо знали, как и когда она началась, но вот уже второй месяц мимо шли, плыли и ехали беженцы с Квиттингского Севера, разоряемого фьяллями и раудами. Вид пострадавших и их рассказы внушали ужас. Фигура уходящей по двору фру Мальгерд – невысокой, чуть сутулой, по-своему стройной даже в шестьдесят лет, по-своему изящной в длинной синей накидке, обшитой белым мехом горноста, с серым вдовьим покрывалом на голове – казалась воплощением всего разумного, строгого, упорядоченного и надежного, чем славилась усадьба Тингваль. Но именно она опять напомнила о войне, и значит, еще не виденная Хравнефьордом война уже вступила в его сердце.

Но Хельга не умела и не хотела долго грустить. Убедившись, что из Кнэля больше ничего не вытянуть, она побежала на поиски брата и нашла его, как всегда, за делом. Последняя буря обнаружила, что крыша корабельного сарая протекает, и сейчас Даг вовсю занимался починкой, и не только распоряжался, а и сам сидел на крыше с большим молотком в руке.

– Даг! Иди сюда! Я знаю что-то такое, чего ты не знаешь! – позвала его Хельга снизу.

– А я знаю кого-то, кто очень рассердится, если крыша и сегодня не будет готова! – отозвался сверху Даг. – Третий день!

– А я знаю кого-то, кто сильно пожалеет, если сейчас же не слезет! – пригрозила Хельга. – Очень сильно!

Такой страшной угрозой Даг пренебречь не мог и полез вниз. С крыши сарая он видел, как от перевала к усадьбе проехал Кнэль Берестяной Короб со своими людьми, и вид у них был такой, как будто за ними гонятся великаны. Страшенные фьяльские великаны, уродливые, рябые и в придачу одноглазые, о каких недавно рассказывал корабельный мастер Эгиль Угрюмый. Но уже в следующее мгновение здравомыслящий Даг подумал не о великанах, а о раудах или фьяллях, которые, по совести говоря, гораздо хуже. Потому что существуют на самом деле.

– А Кнэль видел на Седловой горе тролля! – взволнованно доложила Хельга, когда Даг оказался рядом с ней на каменистой россыпи, устлавшей побережье вокруг усадьбы. – Жут-

кий настоящий тролль выскочил прямо из-под земли и отнял у них лошадь. Он бы и из людей мог кого-нибудь съесть, только они убежали. Представляешь! У нас завелся тролль!

Хельга была так откровенно счастлива этим событием, нарушившим мирное и довольно серое течение будней усадьбы Тингваль, что Даг вздохнул, не собравшись с силами для упрека. Невысокая ростом, Хельга затылком едва доставала ему до плеча, но поскольку не умела стоять спокойно, а все время подпрыгивала и порывалась куда-то бежать, то занимала в пространстве как бы больше места, чем на самом деле. Сейчас, рядом с неподвижно стоявшим братом, она казалась ручейком, вьющимся вокруг кремневого утеса. Лицом брат и сестра очень походили друг на друга – с правильными чертами, серо-голубыми глазами, свежим румянцем на щеках и прямыми носами, бодро устремленными вперед. При этом подвижное лицо Хельги часто меняло выражение: от любопытства к изумлению, от недолгой задумчивости к немедленной готовности куда-то бежать и что-то сделать. Даг держался гораздо спокойнее: он умел решать быстро, но предпочитал не принимать поспешных решений, каждый вопрос обдумывая заранее. Он был старше сестры всего на два года, но порою смотрел на нее, как на маленького ребенка.

– Тебе сколько лет? – после легкого вздоха спросил он, когда Хельга, изложив свои новости, ждала ответа.

– Шестнадцать, – осторожно ответила она, с подозрением косясь на его спокойное, чуть удрученное лицо.

– Когда нашей бабушке было шестнадцать, она уже была замужем и вела хозяйство большой усадьбы, – наставительно напомнил Даг. – А у деда в дружине тогда было уже сорок человек, да два корабля, да стадо... Ну, не помню, сколько всего, но много. А ты на себя посмотри. Где какая птица зачирикает, ты сразу подхватываешь. Ну, сама подумай, какие у нас тут тролли?

Хельга смущенно отвела глаза. Упреки в легкомыслии она слышала не впервые, но что же можно с собой поделывать? Никто сам себе не творец, как сказала бы бабушка Мальгерд...

– А бабушка сказала, что из-за этой войны все может быть! – Обрадованная новой мыслью, Хельга вскинула глаза на брата. – Что война все перевернула вверх дном и теперь вся нечисть пойдет на нас.

– Хельга, не болтай! – серьезно, даже с досадой попросил Даг. Стараясь не подавать вида, он порядком измучился мыслями о близкой войне. – Нечисть, конечно, никакая на нас не пойдет, но не надо болтать. В мире достаточно много настоящих бед, не стоит их выдумывать.

Хельга вздохнула. Переменчивая, как тени на воде, она тонко чувствовала настроение других, особенно Дага. С самого рождения они были неразлучны, и Хельга привыкла воспринимать Дага как неотъемлемую, умнейшую и лучшую часть себя самой. Видя, что он серьезен и мысли его улетели к чему-то далекому и не слишком приятному, она погрустнела, вздохнула несколько раз, словно сожалея о своем легкомыслии и молчаливо обещая исправиться. Обещать это вслух не позволяла совесть – все равно не выйдет.

– А что отец сказал? – нарушил молчание Даг.

– А... а я не знаю! – Хельга казалась удивленной, что не знает такой важной вещи, и тут же, стряхнув грусть, страшно заторопилась и несколько раз дернула брата за край широкой шерстяной накидки. – Пойдем узнаем. Наверное, ему уже рассказали. Пойдем!

Подпрыгивая на месте от нетерпения, она побуждала брата ускорить шаг, и Даг повиновался, пряча снисходительную улыбку. Девушке, годной в жены, не повредило бы немного побольше строгости и рассудительности (какое там побольше – хоть бы сколько-нибудь!), но Даг любил Хельгу такой, какая она есть, и безо всяких к тому поводов испытывал теплое чувство благодарности к богам, не оставившим его единственным ребенком у отца.

* * *

В маленькой охотничьей избушке, притаившейся, как в засаде, на западном склоне Седловой горы, было тесно, темно и холодно. В щель приоткрытой двери падал узкий лучик бледного зимнего света, позволяя разглядеть старый, почти черный стол, изрезанный ножами, ветхие лавки и выложенный камнями очаг в земляном полу. И разный сор по углам, но кому охота его разглядывать? Атла уже убедилась, что единственная пригодная вещь здесь – помятый железный котелок, но эта находка только раздражала, потому что положить в котелок нечего. Теперь Атлу занимало только одно: скоро ли вернется Вальгард с обещанными дровами.

Сидя на краешке шатучей лавки, Атла куталась в облезлую и засаленную меховую накидку, которую попросту стащила в одной усадьбе, куда их с Вальгардом пустили ночевать. А что делать – отдать хозяева не отдали бы, а купить не на что. Атла была слишком упряма, чтобы жаловаться, и упрямство придавало ей сил, но сейчас ей казалось, что вся ее жизнь состояла из блужданий по промозглому зимнему лесу, из ночевки в продымленных кухнях чужих усадеб, в нетопленных сенных сараях, с которых Вальгард без смущения срывал замки. Еще хорошо, что она встретила Вальгарда. А что она делала бы одна?

Прислушиваясь к звукам леса за стенами избушки, Атла ждала Вальгарда и злилась, что он все не идет. Стука топора тоже не раздавалось – значит, он ушел далеко. «Да где же он бродит, тролли его взяли, что ли?» – раздраженно думала Атла и потирала сжатые под накидкой руки. Можно поискать хвороста вокруг избушки, развести огонь и погреться, пока проклятый берсерк* принесет дров. Но Атла вспомнила мокрый снег, резкий холодный ветер с моря и осталась сидеть. Руки, ноги, кончик носа у нее стыли, и казалось, что без движения удастся сохранить чуть-чуть тепла хотя бы в самой глубине. Эта избушка была такой же холодной, как елки и гранитные валуны в лесу, и сама себе Атла казалась елкой или валуном. Теперь у нее в жилах не кровь, а холодные капли зимнего дождя. А каким еще станет тот, у кого нет больше никакого дома?

Со времени гибели старой усадьбы Перекресток не прошло еще и месяца, но Атле казалось, что она с тех пор обошла пешком весь Морской Путь. Ей повезло, что, когда рауды подошли к усадьбе, она оказалась на пастбище. А по дороге домой увидела над лесом густые клубы дыма и сразу догадалась, что они означают. Раудов ждали, и хозяин (не стоит попусту тревожить имя мертвеца) пожелал героически погибнуть в битве, но не отступить. Пусть бы себе погибал, но домочадцев мог бы заранее отослать на юг. Атла никого в усадьбе Перекресток особенно не любила, но испытывала досадливую злость при мысли, что вместе с хозяином погибли или попали в плен много людей, которые могли бы остаться в живых и на свободе. И сама она спаслась только по недосмотру злой судьбы! Но для чего спаслась? Чтобы замерзнуть где-нибудь под елкой?

Сначала она без памяти бросилась бежать, растерянная и не верящая, что ожидаемое несчастье действительно пришло. Мелькали смутные мысли о соседских усадьбах, куда рауды еще не успели подойти, но по пути туда она боялась выйти на открытое пространство, петляла по перелескам и увидела с опушки, как дружина раудов, опередив ее, скачет к усадьбе Ари Длинноносого. Атла брела по лесу не зная куда, чувствуя себя уже пропавшей, как вдруг встретила Вальгарда с рассеченным лбом, в лохмотьями висящей одежде, залитого своей и чужой кровью, закопченного дымом – в общем, похожего на беглого мертвеца. Он-то был дома во время нападения, но прорвался и ушел в лес. И они пошли на юг вдвоем, хирдман и служанка, два человека, оставшиеся в живых и на свободе из целой усадьбы.

Усадеб и дворов они поначалу избегали: спать у огня приятнее, чем на холодной земле, но лучше проснуться от холода, чем от звона оружия. Пробираясь лесами, Атла и Вальгард не раз видели позади себя дымные столбы, не раз замечали следы вражеских дружин. Они

убегали от войны, но она догоняла их. Не раз бывало так, что Вальгард, оглядываясь назад, невнятно бормотал:

– Скорее, скорее! Старик идет! Старик догоняет!

Раньше, услышав подобное, Атла подумала бы, что от того удара по голове Вальгард повредился рассудком. Но сейчас она верила, что он видит шагающую над землей исполинскую фигуру Одина* – старика в серой облачной одежде, с копьем, на которое Бог Битв опирается вместо посоха. И единственный глаз Старика зорко шарит по земле, выискивая новую добычу... От него не скрыться, не убежать. И часто Атле даже во сне слышалось предостерегающее:

– Старик идет! Старик догоняет!

Но сейчас у нее не оставалось сил бежать.

На поляне глухо щелкнул отсыревший сучок под чьей-то ногой. Атла вскочила и выглянула в щелочку двери. Сначала она увидела лошадь и отпрянула: за месяц блуждания среди чужих она усвоила звериную осторожность и недоверие ко всем без исключения. Но рядом с лошадью шел Вальгард. Атла открыла дверь. Лошадь была нагружена увесистыми мешками. Это становилось любопытно.

– Иди погляди, что тут есть, – глухо бросил Вальгард, подходя к самому порогу.

– Где ты ее взял? – спросила Атла. – Ты никого не убил?

Вальгард издал неясный звук, который Атла предпочла понять как отрицание. В случае согласия она испытала бы страх расплаты, но вовсе не угрызения совести. Люди, у которых больше ничего нет и не будет, не могут себе позволить чуткую совесть.

Вальгард стал распутывать завязки мешков. На деревянных бирках виднелась оттиснутая в воске печать, но знак чужой собственности никогда не служил Вальгарду препятствием. Перед ним устоял бы и мало какой замок. Ремни были завязаны на совесть, и Вальгард просто вспорол мешок ножом, чтобы не возиться. Сунув руку в прореху, он вытащил полную горсть и показал Атле.

Увидев ячмень, она радостно ахнула. Прошедшие дни научили ее ценить любую еду как величайшее сокровище. Если бы мешок оказался набит серебром, она обрадовалась бы меньше. В благоденствии и в беде вещи имеют разную ценность.

Вальгард ухмыльнулся. Он тоже был доволен своей добычей, притом доставшейся без малейшего труда. К сегодняшнему утру у них с Атлой оставался на двоих такой кусок черствой овсяной лепешки, какого не хватило бы и одному, а с охотой не слишком везло, и он собирался попросить у проезжих людей что-нибудь поесть. Попросить и надеяться, что дадут, потому что иначе он все равно возьмет. Вальгард не был жаден и никогда не брал лишнего, но действительно нужное брал там, где найдет, не оглядываясь на законы и обычаи. В своей силе Вальгард из Перекрестка не сомневался и легко справился бы хоть с десятком торговцев. Как видно, они это поняли с первого взгляда и предпочли убратся подобра-поздорову, оставив ему лошадь с припасами. И хорошо, что не пришлось никого калечить. А неплохие, однако, люди живут на восточном побережье...

Атла тем временем теребила мешок на другом боку лошади. От радости ее бледноватое личико расцвело, глаза оживились и заблестели. Атла и в лучшие-то дни не отличалась красотой, а долгие скитания сделали из нее какую-то тощую троллиху. Чему особенно помогало то, что правый глаз с бровью у нее были чуть ниже, чем левый. И не скажешь, что ей всего-то двадцать лет. У беды нет возраста. Большие темно-серые глаза с резко очерченным верхним веком, из-за которых ее прозвали Совой, раньше смотрели насмешливо, а теперь стали угрюмыми и настороженными. Но сейчас она почти улыбалась и нетерпеливо откинула от глаз тонкую прядку темно-рыжеватых, слипшихся под капюшоном волос, чтобы не мешали.

– А тут рыба, – бросила она из-за лошади. – Поди достань дров, можно похлебку сварить. Там есть какой-то котелок – если он не дырявый...

Вальгард пошел назад к опушке леса. Он никогда не возмущался и не кричал, что женщина не должна приказывать воину, если женщина говорила то, что следовало. Раньше, в усадьбе, Атла и Вальгард не обращали друг на друга никакого внимания, а сейчас, оставшись вдвоем, поладили не так уж плохо.

Начало темнеть, и это пришлось весьма кстати, потому что дым в светлом небе указал бы на их убежище. Зато теперь в избе стало так тепло, что Атла сбросила ненавистную накидку. Похлебка из ячменя и сушеной рыбы утешающе кипела в котелке, который оказался не слишком чистым, но целым. Помешав похлебку, Атла вздохнула почти с удовольствием и подцепила кусок рыбы ложкой. Ложка была совсем хорошая, липовая, только кончик длинной ручки слегка расщепился. Ложку им в одной усадьбе подарили сами хозяева. Это оказались неплохие люди, но ничего больше они сделать для гостей не могли.

– От моря пахло дымом, – сказал вдруг Вальгард. Он был немногословен и сидел с другой стороны от очага, бесстрастно выжидая, пока похлебка сварится.

Атла вскинула голову.

– Там, должно быть, усадьба, – продолжал Вальгард. – Тут на побережье живет много народу. Пойдем?

– А если это была их лошадь? – спросила Атла. Теперь, когда у нее имелось по мешку ячменя и рыбы, ей совсем не хотелось опять к людям. – Нам не слишком обрадуются. Обвинят в грабеже. Зачем нам это нужно?

– Я их не грабил. – Вальгард слегка пожал плечами. – Я им слова не успел сказать.

– А их ячмень мы съели, – ехидно заметила Атла. – Это то же самое. Можешь быть уверен, тамошний хозяин назовет это грабежом. Зачем нам это надо?

– Ты можешь пойти одна, – предложил Вальгард. Не так чтобы он хотел избавиться от Атлы, но понимал, что ей не под силу скитаться без конца. – Тебя никто не видел. А здесь тихое место. Сюда фьялли придут не скоро. Если вообще придут.

– А чего я там буду делать, в чужой усадьбе? – враждебно спросила Атла, как будто Вальгард желал ей зла. – Чтобы хозяйка кидала мне кости, как собаке, а каждый жеребец из дружины считал, что имеет на меня все права? Вот еще! Переночуем тут, а утром поищем другую усадьбу, подальше, и пойдем туда оба. Может, пустят.

Вальгард пожал плечами. Он мог предложить Атле что-нибудь, но решать предоставлял ей самой. Однако раньше или позже идти к людям все равно придется. Они прошли половину полуострова от середины на восток, дальше – только море.

Помешивая похлебку, Атла гневно двигала ноздрями и поджимала губы, словно продолжала мысленно спорить. Она сама не слишком понимала, почему ей так противна мысль пойти поискать приюта в чужой усадьбе. Расставание со старой усадьбой Перекресток было слишком внезапным, и даже память о зареве пожара не могла убедить Атлу, что эта разлука бесповоротна. Искать себе новый дом означало признать прежний мертвым. Нет больше гридницы*, где она днем пряла с женщинами шерсть, а вечером Орм и Виндир вечно ссорились из-за лучшего места и нередко завершали ужин дракой на общую потеху. Нет долговязого чудака Арне, который в эту зиму с чего-то вдруг начал к ней подлаживаться: за дурочку посчитал, что ли? Атла никогда никого не любила и в то, что кто-то может полюбить ее, не верила. Нет кухни, где столом для рабов служил огромный черный камень. Рассказывали, что этот камень лежал себе и лежал на своем месте, а уж кухню, вместе со всем домом, построили вокруг него. Нет неряхи Асрид, которая никогда не закрывала дверь как следует и лишь добродушно махала рукой, когда женщины жаловались на сквозняк. И женщин этих тоже нет. Но образы оставались такими живыми и яркими, что хотелось оглянуться, пошарить вокруг: где ты, моя привычная, неизменная, вечная жизнь? Прежняя вечность сменилась другой, но Атла еще была погружена в старую, и нынешняя бесприютная жизнь казалась дурным сном, нелепой ошибкой. Казалось, что они отстали и сейчас догонят: и гридница, и черный камень-стол, и Асрид, и Арне...

На лице Вальгарда никаких мыслей не отражалось. Его называли берсерком, но за те четыре года, что он прожил в усадьбе Перекресток, ему не представилось случая проявить себя. Атла даже не знала, сколько ему лет: казалось, он и родился таким широкоплечим великаном, с загорелой обветренной кожей, резкими морщинами на лбу и вокруг носа, с темной короткой бородой. Он всегда оставался невозмутим, но в его спокойствии чувствовалась такая мощь, что Атла не удивилась и сразу поверила его немногословному рассказу. Не только торговцы, но и иные воины могли бы бежать от него без памяти, поскольку сам его вид уже говорил об очень серьезных намерениях.

– А может, и здесь скажут, чтобы мы убирались прочь! – продолжала Атла через некоторое время. – Скажут, чтобы мы шли к троллям и несли им нашу неудачу. Тогда что?

– Пойдем, – не сразу обронил Вальгард, поскольку Атла ждала ответа.

– Куда? – с напористым вызовом не отставала она, словно желая, чтобы именно он, Вальгард Певец, ответил ей за злую судьбу. – К троллям?

– А хотя бы.

– И прекрасно! – со злым торжеством воскликнула Атла, как будто лучшего ответа не могла и желать. – Пойдем к троллям! Если им так хочется! Наша неудача! Болваны! Глупые, как треска! Они думают, что это наша неудача! Нет, это их неудача! – горячо кричала она, обращаясь не столько к Вальгарду, сколько к тем людям, которые остались позади и которым она не смогла этого высказать. – Она у нас общая! Бояться о нас запачкаться! Нет уж, если неудача пришла, то она достанет всех! Как ни запирай ворота! Мы-то пойдем к троллям, а вот они как тут останутся?

Ее голос странно дрогнул, и Атла замолчала. Вальгард поднял глаза от огня и посмотрел на нее. Девушка отвернулась от взгляда и, похоже, шмыгала носом. Вальгард молчал, не умея утешать, да и не считая нужным. Война одних людей лишила дома, а других сделала троллями. Слезы не разжалобят злой судьбы, а утешения не исправят. Но Атла зашмыгала носом впервые только сейчас, когда у них имелась крыша над головой, огонь в очаге и даже похлебка в котелке. Наверное, ее силы приближались к концу. Уж слишком убогим выглядело их нынешнее счастье – крохотная дымная избушка, где в углах стоит вечный холод, а за стенами шумит чужой лес, засыпанный мокрым снегом. И безо всякой надежды на весну.

* * *

Рано утром усадьбу Тингваль разбудил стук в ворота – прибежал Сквальп, сын Торда рыбака.

– Там корабли! – кричал он во весь голос, колотя кулаками в толстые створки. – Там корабли! – задыхаясь от бега, продолжал он, когда его впустили во двор усадьбы. – Я был на мысу и видел – три или четыре корабля идут во фьорд! А может, и больше, там на море туман, я дальше не стал смотреть. Большие боевые корабли... С драконами...

Полуодетые обитатели усадьбы толпились вокруг, женщины заправляли волосы под наспех наброшенные покрывала, мужчины застегивали пояса. Хельга куталась в одеяло, второпях схваченное вместо накидки.

– Может, это Хальвдан хёльд? – хмурясь, предположил Ингъяльд, один из старших хирдманов. – Он ведь обещал приплыть к нам на йоль?

– Нет. – Сквальп мотнул головой. Он еще не отдышался от бега, и его невзрачное лицо казалось бледным до того, что виски отливали зеленью. – Корабли Хальвдана я знаю, я их видел. Он мимо нас каждый год плавает. Это совсем чужие корабли.

– С красными щитами? – внешне бестрепетно спросила фру Мальгерд.

За суетой никто не заметил, как она подошла, но теперь все вздохнули с облегчением – рядом с хозяйкой было не так страшно. Несмотря на раннюю суматоху, бабушка Мальгерд выглядела, как всегда, опрятно, из-под серого головного покрывала не торчал ни один волосок.

– Наверное, да, – не совсем уверенно и несколько виновато ответил парень. – Там туман... Плохо видно. Я только увидел, что чужие корабли. Наверное, да. Я видел там что-то красное...

– Будем считать, что да! – предусмотрительно решил Хельги хёвдинг. Он пришел позже всех, но быстро все понял. – Ингъяльд, вооружайтесь. Два отряда – к корабельному сараю и сюда. Я иду туда, ты остаешься здесь с десятком.

По всей усадьбе закипело движение. Ингъяльд гремел ключами, хирдманы спешили в оружейную, рабы и работники толкались возле соседней кладовой, где Орре управитель раздавал им припасенные на такой случай луки, топоры и копья. Усадьба Тингваль жила дружно, и Хельги хёвдинг доверял своим рабам. Сам хозяин бегал туда-сюда и распоряжался, повторял уже сказанное, подбадривал мужчин и утешал женщин. Хельги хёвдинг был добродушным, осторожным, снисходительным человеком, но в часы тревоги умел проявить решительность и расторопность. В соседнюю усадьбу Лаберг – Плоский Камень – послали шустрого Рэвунга верхом, и вскорости дружина Гудмоды Горячего должна подойти на помощь.

Женщины Тингваля суетились и причитали, а дочь хёвдинга носилась по двору и прыгала, как маленькая валькирия*, наконец-то упросившая старших взять ее в битву.

– Корабли! Корабли! Чужие! Боевые! Что же это такое? – со смесью ужаса и ликования в голосе восклицала Хельга.

У нее только и нашлось время сменить одеяло на меховую накидку, и, когда она размахивала руками, широкие полы накидки взлетали, как настоящие крылья. В одной руке Хельга сжимала гребень, но непохоже было, что сегодня она соберется причесаться.

– Уйди! Не мешай! Иди в дом! Девушка, не вертись тут! Хельга, не до тебя! – с разных сторон сыпались на нее восклицания домочадцев, но она ничего не слышала, скорее обрадованная, чем напуганная неожиданной тревогой.

Неужели и сюда добрались враги, те самые, что уже разорили столько усадеб на севере и западе Квиттинга? Неужели и здесь будет настоящая битва? В это верилось с трудом, ведь «там у них» и «здесь у нас» разделено нерушимой стеной. За всю жизнь Хельга не видела ни одной битвы, и рассказы о схватках на Квиттингском Севере для нее были то же самое, что древние саги о Сигурде Убийце Дракона* и ему подобных героях. Хельга не умела бояться, и потрясение небывалого приключения будило в ней скорее радость, чем страх. Наконец-то случится что-то, чего еще никогда не случалось! Примерно так она могла бы сказать, если бы потрудилась облечь в слова свои нынешние чувства.

Но мужчины усадьбы Тингваль испытывали нечто совершенно другое. Несколько молодых воинов мечтали о битве как о случае отличиться и прославиться, но большинство испытывало вовсе не радость при мысли, что война докатилась и сюда.

– Это могут быть только рауды! – отрывисто переговаривались хирдманы возле оружейной и во дворе. – Фьялли не посмеют плыть вокруг всего Квиттинга. Это рауды! Они так горды своими успехами на суше, что решили попытать счастья и на море. Услышали, что наш конунг уплыл к слэттам... Думают, здесь некому дать им отпор.

– Ах, когда же конунг вернется? – жалобно и негодуя восклицали женщины, точно надеялись, что Стюрмир конунг каким-то чудом успеет вернуться прямо сейчас и защитит их. – Он уже слишком долго пробыл за морем, а его землю некому защищать! Он мог бы об этом подумать!

– Ничего, ведь Стюрмир конунг подарил мне свой меч! А это почти то же, что он сам! – с нарочитой бодростью приговаривал Хельги хёвдинг. – Мы покажем этим разбойникам! Они увидят, что усадьбу так просто не возьмешь!

За последние годы Хельги хёвдинг так располнел, что прошлой зимой заказал себе новую кольчугу, и сейчас она плотно облегла его широкую грудь и не менее широкий живот.

– Наш хёвдинг похож на воинственного тюленя, – успел и сейчас шепотом сострить Равнир.

Хмурая от беспокойства Сольвёр толкнула его локтем: час мало подходил для шуток.

– Ну, ладно, на грозного Ньёрда* в обличье тюленя, – поправился Равнир.

Шлем Хельги хёвдинг пока что держал в руке, его лицо с высоким залысым лбом оставалось открыто, и вид у розовощекого «Ньёрда» был и правда не слишком угрожающий. Зато на поясе у него висел отличный меч с волчьей головой на рукояти – подарок самого Стюрмира конунга. Два месяца назад, проплывая мимо восточного берега к слэттам, у которых соби-рался просить помощи в грядущей войне, конунг несколько дней прожил в усадьбе Тингваль и остался доволен радушным приемом. Дорогой подарок заново скрепил его дружбу с хёвдингом Квиттингского Востока, и оба радовались этому. Но сейчас Хельги хёвдинга совсем не обра-довал случай испытать подарок конунга в деле.

– Ах, какой ты красивый, Даг! – восторженно ахнула Хельга, когда ее брат вышел из дома совсем одетый. – Настоящий Тор!

На Даге тоже была кольчуга, туго перепоясанная красивым поясом с золочеными бляш-ками, под кольчугой кожаная рубашка, простеганная и набитая паклей, из-за чего его плечи казались еще шире, а на голове шлем с железной полумаской. Высокий, прямой, мощный, Даг казался молодым богом рядом со своим расплывшимся отцом.

Но у него было не то настроение, когда хочется любоваться собой, и мрачное лицо не соответствовало блестящему наряду.

– Я же говорил тебе: не болтай, не зови беду! – упрекнул он Хельгу, вспоминая раз-говор трехдневной давности. – Тролли, тролли! Троллей тебе не хватало для счастья! Вот и выпросила! Иди в дом и сиди с бабушкой. И не высовывайся, пока... Пока не будет можно, – несколько неопределенно закончил Даг. Он сам не представлял, когда и как все это кончится.

– Я не буду сидеть дома! – радостно, словно он ее об этом и просил, заверил а брата Хельга. – Я пойду с вами. Мне дома будет гораздо страшнее. Ты подумай, что со мной будет, если вы все меня бросите – и ты, и отец, и даже Ингъяльд!

– Ингъяльд остается! – успел только возразить Даг, но тут Хельги хёвдинг заторопил его: хирдманы были готовы.

Скорым шагом отряд в тридцать хирдманов вышел из ворот усадьбы. Женщины прово-жали их напутствиями, челядь решительно сжимала выданное оружие, всей душой надеясь, что пускать его в ход все же не придется.

Усадьба Тингваль, хотя и стояла на самом берегу моря, была довольно хорошо защи-щена. Перед усадьбой дно на целых два перестрела* усеивали множество камней, которые не позволяли кораблю приблизиться к берегу. В часы отлива они высовывали головы из воды, как целое войско, в прилив прятались под волнами. Только самые крупные несли вечный дозор, каменной грудью, точно щитом, закрывая берег. Полоса камней тянулась далеко, и любому кораблю приходилось причаливать на заметном расстоянии от усадьбы. Это создавало известные неудобства гостям и торговцам, зато препятствовало врагам. Рассказывали, что сам Восточный Ворон, дух-покровитель Квиттингского Востока, когда-то давно набросал в море эти камни, чтобы защитить поле тинга от врагов. А потом поднял своими крыльями бурю, которая все вражеские корабли вынесла на эти камни и разбила. Правда, еще говорили, что Восточный Ворон заколдовал вражеское войско, когда оно уже высаживалось, и превратил в камни, не позволив ни одному человеку ступить на берег. Так или иначе, но еще в незапамят-ные времена после какой-то войны местные жители сложили на холме каменный жертвенник и с тех пор собираются на тинг именно в Хравнефьорде – Фьорде Ворона.

Когда дружина Хельги хёвдинга добралась до того места, где полоса камней начиналась, чужие корабли были уже видны. Четыре корабля шли на веслах от горловины фьорда. Они оказались не так велики, как показалось напуганному Сквальпу, весел на двенадцать-четырнадцать по борту. Но на мачте каждого из них злобным кровавым глазом светился красный щит, говоривший о самых недобрых намерениях.

– Это они всерьез, да? – тихо спросила Хельга, слегка придерживаясь за локоть Дага. Вид чужих кораблей прогнал ее возбуждение и веселость, наполнил неясным, но очень неприятным чувством. Она только сейчас осознала, что все это не шутки.

– Это они всерьез, – так же тихо повторил Даг, не сводя глаз с медленно приближающихся кораблей. Пришельцы заметили камни и правили к берегу. – Но, может быть, они не станут нападать, когда увидят, что мы готовы к отпору.

– Там вдвое больше людей, чем у нас, – негромко сказал Стольт, один из хирдманов. – Но это не рауды. Это кварги. Видите, на штевнях змеиные головы?

– Ничуть не лучше, – бросил кто-то из стоявших поблизости. – Теперь пошли слухи, что квиттов бьют, теперь найдется много охотников нас пограбить.

– Они увидят, что еще не дошли до тех мест, где это можно, – сказал Даг. Он старался выглядеть спокойным, но внутри у него все кипело. Вот сейчас и выяснится, имеет ли он настоящее право носить меч. – Наверное, в Лаберге уже знают.

– Да уж, Гудмод хёльд не упустит случая прославиться!

– Только бы они успели подойти! Тогда нас будет не меньше!

– Вот что значит конунга нет в стране!

– Восточный Ворон нам поможет!

Тем временем Хельги хёвдинг подошел к самой полосе прибоя, и Даг поспешил догнать его. По привычке всегда быть рядом с братом Хельга дернулась следом, но Равнир удержал ее. Сейчас он тоже не улыбался, его остроносое лицо напряглось и немного побледнело, серые глаза смотрели с неудовольствием. И – чудесное дело! – Хельга послушалась и осталась на месте. Бурное возбуждение уже полностью уступило место растерянности, и она готова была послушаться любого, кто скажет, что ей делать.

Сам светлый день, казалось, померк, пятна снега на горах за фьордом выглядели серыми, мелкие серые волны сердито шуршали, накатываясь на смерзшийся серый песок. С севера тянуло ветерком, особенно пронзительным, холодным и каким-то ехидным; злорадно посвистывая, он шевелил волосы, слизывал тепло со щек и шептал: «Дождалис-с-сь, вот вам и вс-с-се-с-с-с...» Хельга молчала в ответ, крепко сжав пальцы на локте Равнира. Все как бы зависло, и ей требовалась опора. Ее тревожный взгляд перебегал между чужими кораблями и спиной уходящего Дага.

Самый большой из чужих кораблей подошел к берегу, с него спрыгнули несколько человек. Хирдманы хёвдинга не снимали рук с оружия. Но большинство пришельцев оставалось на кораблях. Красные щиты в их руках образовали над бортами сплошную полосу, над щитами поблескивало железо шлемов, остро кололи взор наконечники копий. *«С севера страшный корабль приближается – мертвых везет; правит Локи рулем...»* – мелькнули в памяти строки древнего пророчества.⁴ Неужели это – про нас?

– Они видят, что мы готовы! – шепнул Хельге Равнир. От напряжения одни замыкаются в себе, а другие становятся разговорчивыми, и ему по привычке хотелось поговорить. – Наверное, будут требовать выкуп.

– Вот еще! – обиженно и враждебно шепнула Хельга, исподлобья, как ребенок, глядя на троих мужчин, медленно идущих по берегу навстречу Хельги хёвдингу и Дагу. Перед лицом

⁴ «Старшая Эдда», перевод С. Свириденко.

опасности в ней вдруг проснулась гордость, которой она в себе раньше не подозревала. – Наш род никогда и никому не платил выкупов!

– А вдруг они этого не знают? – отозвался Равнир и кривовато усмехнулся. – Хорошо бы Восточный Ворон сейчас принес в клюве камушек-другой и сбросил на них! Случай как раз подходящий!

Никто ему не ответил. В древности все было иначе, а сейчас людям приходится полагаться только на себя.

Тем временем трое пришельцев сблизились с Хельги хёвдингом шагов на пять и остановились. Двое держали в руках секиры, один – копье, на поясе у каждого висело по мечу. Ярko раскрашенные щиты издали резали глаз, а шлемы с железными полумасками и даже с кольчужной сеткой, почти полностью закрывавшие лицо, придавали фигурам нечеловеческий и жутковатый вид.

Напряжение висело над берегом так ощутимо, что у Хельги закладывало уши и хотелось потереть их ладонями, но оно же давило и не давало двинуться.

– Кто вы такие и что вам здесь нужно? – твердо и сурово спросил Хельги хёвдинг. Его округлая фигура с маленькой головой, сидящей прямо на плечах, не выглядела особенно устрашающей, но он так плотно упирался ногами в песок, словно хотел сказать: «Может, я и не величайший воин Квиттинга, но сдвинуть меня с этого места будет непросто!»

– Я – Логвальд сын Моднира, по прозвищу Неукротимый! – громко и дерзко ответил ему предводитель пришельцев, стоявший на полшага впереди. Его голос разнесся по берегу, как крик чайки, и Хельга поморщилась: таким резким и неприятным он ей показался. – И никто из тех, кто мне встречался, еще не был рад этой встрече. Я предлагаю вам выбор: вы отдадите мне весь ваш скот, запас зерна для моей дружины на месяц и в придачу дадите двадцать марок* серебра. Тогда мы уйдем и вас не тронем. Иначе все вы будете перебиты, и мы сами возьмем все, что нужно.

– Ты слишком торопишься! – крикнул Даг. Умом он понимал, что излишне злить пришельцев не стоит, но не мог сдержаться: их наглость слишком возмутила его. – У нас много скота – если вы съедите его весь, у вас разболятся животы.

– Не лучше ли тебе проплыть подальше на север – до раудов? – предложил Логвальду Хельги хёвдинг. – У них такой миролюбивый конунг, что охотно отдаст тебе все, чем богаты его подданные.

Глядя в мрачное лицо собеседника, где из-под железной полумаски виднелась только короткая бородка, Хельги хёвдинг чувствовал неприятное беспокойство, как всегда, когда рядом назревала неприятность. Любой раздор был ему отвратителен. Только бы дотянуть переговоры до появления дружины Гудмода Горячего, а там этот Модвальд – или Логнир, как его там? – и сам предпочтет обратиться восвояси.

– Я сам знаю, где и что мне взять! – резко и грубо ответил Логвальд. – И не надейся, что жалкая толпа твоих рабов сможет мне помешать!

При словах «толпа рабов» хирдманы коротко, единым движением вздрогнули и шагнули вперед, но только один раз.

– Так и ты не жди, что толпа твоих бродяг здесь найдет, чем поживиться! – не остался в долгу Даг. Все его волнение прошло, осталась ярость, желание немедленно свернуть шею этому наглому гаду в шлеме. – Может, вам везло в других местах, но здесь ваше везение кончится! Убирайтесь, пока целы, а не то вас всех заруют в полосу приборя!⁵ Понял?

– Вижу, здесь есть кто-то очень смелый! – с издевкой ответил Логвальд. – Старый тюлень примолк, а молодой теленок рвется в бой! Хочешь первым попасть на вертел?

⁵ В полосу приборя хоронили преступников.

Вместо ответа Даг вынул меч из ножен и протянул левую руку к оруженосцу – чтобы подал щит. Пусть женщины бранятся. Мужчины отвечают на оскорбления делом.

– Защищайся, а не то будет поздно, – коротко бросил он.

Хельга вскрикнула, когда ее брат первым бросился на пришельца так стремительно и яростно, что тот едва успел отбить удар. Вся дружина дрогнула и невольно подалась ближе, но вмешиваться никто не мог: сначала предводители решают, кто из них сильнее. Изумленный Хельги хёвдинг шагнул назад: лишь в этот миг он, как прозрев, увидел мужчину в своем незаметно выросшем сыне.

Над притихшим берегом разлетался только резкий, беспорядочный звон клинков, все замерло, кроме двух яростно бьющихся фигур. Да еще волны прибоя одна за другой катились, лезли на берег, с жадным любопытством тянулись, норовя дотронуться до противников. Каждый всплеск стального звона точно вырывал у Хельги сердце; коротко, отрывисто вдыхая, она не сводила глаз с бойцов и все еще не верила, что это правда. Еще удар – и Даг, ее брат, половина ее самой, будет убит... Встретится с чужим хищным клинком, упадет, обливаясь собственной кровью, и перестанет быть живым... Нет, нет, этого не может быть! Хельге было трудно оценить силы противников; она не разбиралась, правильно ли наносятся и отражаются удары, но она знала своего брата и видела: Даг тверд и решителен, он даже не думает об опасности и смерти, он весь – порыв и ярость. Не такой опытный, но сильный и уверенный, он рвался вперед, и недостаток опыта, как это иногда бывает с молодыми, служил ему добрую службу: иной раз незнание трудностей дает ту самую веру в себя, которая приносит успех.

И пришелец отступал, иной раз на два шага, потом наступал снова, злясь, что не может одолеть высокорослого юнца. Хельга впивалась в него глазами, точно хотела заставить споткнуться. Вся его фигура казалась ей мерзкой и отвратительной: железный шлем, из-под которого и лица-то не видно, блеск оружия, башмаки, нагло попирающие землю, которая много лет не видала врагов... На одной ноге ремешок красный, на другой – зеленый...

И вдруг Хельга пискнула, крепче вцепилась в локоть Равнира и принялась дергать, как бывало, Дага.

– Ты чего? – Равнир шевельнул локтем, не оборачиваясь и не сводя глаз с бойцов.

А она, не в силах вымолвить ни слова, дергала Равнира за локоть, впившись глазами в пришельца. Вернее, в его ноги.

Подняв взгляд, Хельга по-новому осмотрела всю фигуру, в которой теперь видела много знакомого. Со странным звуком – то ли смех, то ли всхлип – она шагнула вперед, растолкала хирдманов, вырвалась на свободное пространство и нетерпеливо крикнула:

– Брендолвь! Это ты! Ты с ума сошел там за морем! Кончай валять дурака! Ведь это же ты, я тебя узнала! – кричала она, торопясь скорее остановить этот нелепый ужас. – Ты что, стал морским конунгом* и своих не узнаешь?

Терзаемая напряжением и облегчением одновременно, она неровно засмеялась, потом закашлялась, торопилась сказать что-то еще, но не могла.

Вся дружина вздрогнула при звуке ее голоса и обернулась.

А Логвальд вдруг отскочил на несколько шагов назад. Даг остановился, держа меч наготове: за шумом схватки он не расслышал слов сестры и не понял, почему его противник внезапно обратился в бегство. А Хельга продолжала говорить, поспешно делая еще несколько шагов вперед, и голос ее звучал умоляюще, точно она просила кого-то сделать все именно так, как она надеется:

– Как тебе не стыдно так шутить, Брендолвь! Что ты еще придумал! Ты с ума сошел! Что за глупости? Ты так долго пропадал, а теперь придумал какую-то глупость! Брендолвь!

Знакомое имя звучало как заклинание. Но оно же казалось невероятным, каким-то обманом слуха. А Логвальд вдруг сорвал с головы шлем и засмеялся, потряхивая волосами. Он поднял голову, и хёвдинг увидел изменившееся, но знакомое лицо Брендолвва, сына Гудмода

Горячего и своего бывшего воспитанника. Прошло почти четыре года с тех пор, как Брендолль уехал за море к кваргам. С тех пор он возмужал, раздался в плечах, отрастил бородку, но все же не узнать его было невозможно. Только полная неожиданность не позволила хёвдингу и прочим сделать это раньше.

– Хельга! Ручеек! Птичка моя! Ты тоже здесь! И ты одна меня помнишь! – со смехом воскликнул Брендолль и шагнул навстречу девушке. Бросив на песок щит и шлем, он протянул руки к Хельге, а она взвизгнула от радости, что ее догадка оказалась верной. – Ты так выросла, а помнишь меня! Я тебя не заметил, а ты одна меня узнала!

Измученный Даг опустил меч и замер с открытым ртом. После схватки он тяжело дышал и не мог собраться с мыслями. А Хельга, смеясь от счастья и облегчения, в несколько прыжков преодолела оставшееся расстояние и прыгнула на шею «грабителю». Брендолль обнял ее, а все остальные разом зашевелились, заговорили, закричали. До всех дошло, что ничего страшного больше нет, но люди еще не взяли в толк, что же, собственно, произошло.

– Да это Брендолль!

– Ты что, стал морским конунгом?

– Да возьмут тебя тролли, парень! Ты не слишком хорошо придумал!

– Вот так подшутил!

– А мы-то уже готовы...

– Твоему отцу это не слишком понравится!

– Великий Один!

– Да он всегда был с придурью!

– Слава асам*, наконец-то ты вернулся!

– Не шути так больше, Брендолль! – приговаривал Хельги хёвдинг, сняв шлем и вытирая вспотевший лоб. Хельга прыгала вокруг и радостно повизгивала, почти заглушая его слова. – А если бы мы сразу встретили вас стрелами? Шутка получилась бы дороговата!

– Ну что ты, хёвдинг! – весело и лишь чуть-чуть виновато оправдывался Брендолль. Без шлема, с привычной широкой улыбкой, он уже всем казался прежним, и даже старые следы оспинок на щеках нетрудно было разглядеть сквозь поросль молодой рыжеватой бородки. – Я же знал, куда приплыл! Я же знал, что здесь «мирная земля» и что ты никогда не бросаешься на людей, не разобравшись, в чем дело. Зато теперь я знаю, что усадьба Тингваль готова встретить любого врага как подобает!

– Да ты совсем сдурел! – восклицал Даг, сообразивший и узнавший Брендолльва последним. Уж слишком неожиданным оказался такой поворот! Остатки боевого возбуждения превратились в гнев и мешали радоваться другу. – Брендолль! Ты в своем уме? Да кто же так шутит! Я тебе собирался снести голову всерьез! И тогда ты сам был бы виноват!

– Ты стал настоящим Сигурдом! – весело ответил Брендолль и хотел хлопнуть его по плечу, но Даг сердито оттолкнул его руку. Брендолль не обиделся: радость плескалась в нем и щедрыми брызгами разлеталась далеко вокруг. – И вырос выше меня! Я тебя тоже не узнал. Только догадался, что это должен быть ты.

– А я вот не догадался, что ты за морем так поглупел! – возмущался Даг, не в силах примириться с такой дурацкой и опасной шуткой. Ему самому никогда не пришло бы в голову проверять усадьбу Плоский Камень таким вот образом! – Это же надо такое придумать! Мы уже не дети, чтобы прятаться в сених и изображать тролля!

– Да уж конечно! – хохотал в ответ на его негодование Брендолль, не без удовольствия вспоминая детские забавы. – Ты отличный боец, Даг! Когда сюда прибудет конунг фьяллей, ему придется плохо! Я тебя еще кое-чему научу – мне рауды показали. Я так рад, что ты не струсил!

– А ты этого ждал? – Даг был просто оскорблен этой похвалой и отталкивал Брендолльва, который все порывался его обнять.

– А я догадалась! – ликовала Хельга, прыгая на месте. Теперь уже все это событие казалось ей очень забавным. – Я догадалась, когда увидела его ноги! Красный и зеленый! Ты всегда путал красный и зеленый!

– Да ну! – охнул Брендольв и посмотрел на свои ноги, вернее, на ремешки, которыми крепились обмотки. – Они разные, да?

– Еще бы! – хохотала счастливая Хельга. Брендольв не различал красный и зеленый, и эта его особенность немало смешила ее в те годы, когда сын Гудмода жил у них в усадьбе. – Я так и знала, что ты никогда этому не научишься! Если даже я не смогла тебя научить, то не научит и конунг кваргов!

– Да уж, ему и погребальные башмаки так завяжут – один красным ремешком, а другой зеленым, – добавил Даг, уже немного остыв.

Ему было стыдно за своей пропавший зря боевой задор, и похвалы Брендольва казались снисходительными – как раньше, когда двенадцатилетний мальчик не годился в соперники пятнадцатилетнему парню.

– Зато Один и валькирии сразу поймут, кто к ним явился! – без смущения ответил Брендольв и наконец обнял Дага, чтобы быстрее прогнать обиду. Сам он ни на кого не сердился подолгу и не понимал, какой в этом смысл. – Будь здоров, Альвард! – кричал он, тут же открывая объятия кому-то другому. – Привет, Равнир! Ты еще не женился? А где твое ожерелье? Дашь мне поносить?

– Ты, наверное, у конунга кваргов заслужил другое, не хуже! – ответил Равнир.

– Да уж конечно! – с удовольствием согласился Брендольв. – Я привез много занятных вещей. И если кто-нибудь пригласит меня на пир, то не останется без подарков!

И он подмигнул Хельги хёвдингу.

– Я знаю кого-то, кто уж точно скоро будет нашим гостем! – намекнула Хельга.

– А я знаю кого-то, кто еще не скоро отдохнет! – вставил Хельги хёвдинг, намекая на себя самого, и еще раз вытер лоб, а заодно и шею. – Отправляйся домой, Брендольв. Мы уже предупредили твою родню. Но боюсь, они приготовили пир не тебе, а волкам и воронам.⁶

– И я знаю кое-кого, кому еще скажут несколько ласковых слов в усадьбе Лаберг! – шепнул Хельге Даг и показал глазами на Брендольва.

Но тот был так рад возвращению в родные места и встрече с семьей воспитателя, что не боялся отцовского гнева. Гудмод Горячий и сам не прочь пошутить.

* * *

Через несколько дней жизни в лесной избушке Атла уже считала, что здешние места населяет совсем не плохой народ. Жители восточного побережья имели милейший обычай хранить овощи прямо на поле, где они и выросли, в больших ящиках безо всяких замков, только под крышкой с засовом, чтобы не добрались олени или кабаны. Оказавшись внезапно хозяйкой избушки с очагом, Атла поддалась соблазну отдохнуть несколько дней и пока не заговаривала о том, чтобы идти куда-то дальше. Два раза она ходила тайком прогуляться по округе и натыкалась на такие хранилища, сколоченные из тонких бревнышек и стоящие на краю кривоватых клочков земли, которые здесь гордо именовались полями.

Однажды Атла вскрыла одно хранилище и нагребла полный подол моркови. Морковь пришлась кстати (помятый железный котелок был счастлив). Два дня Атла выжидала, но ничего не произошло. Непохоже было, чтобы кто-то искал похитителей.

– Как видно, тут богатый народ проживает! – рассуждал Вальгард. Уж он-то не трогался с места по доброй воле и вставал с устроенной на полу лежанки только тогда, когда Атла гнала

⁶ То есть приготовились к битве.

его за дровами. – Лошадью больше, лошадью меньше – никто и не заметит. А морковь они, как видно, оставляют в жертву местным троллям. Разве у нас кто-нибудь бросил бы еду на поле без присмотра?

– Ты исключительно умен и проницателен для берсерка, – снисходительно одобрила Атла. И Вальгард благодушно ухмыльнулся в ответ: он охотно прощал женщинам мелкие насмешки, справедливо полагая, что достоинство медведя не пострадает от комариных укусов.

Через несколько дней Атла снова собралась за добычей. У них еще оставалось сколько-то из награбленных припасов, но Атлу уже воротило от сушеной рыбы. Первый «разбой», оставшийся безнаказанным, придавал ей уверенности: может, здешним жителям и правда ничего не надо? А ей надо, еще как надо! У нее же ничего нет!

На этот раз она пошла в другую сторону – на юг. Здесь лес скоро окончился, перешел в какие-то чахловатые рощицы из тонконогих осинок с серыми от холода щечками-листочками. Осторожно переставляя ноги, чтобы поменьше мочить ненадежные башмаки, Атла иногда придерживалась рукой за стволы, и осинки дрожали, словно хотели что-то ей сказать. «Ничего, ничего! – невнятно, без голоса бормотала Атла, обращаясь то ли к осинкам, то ли к себе самой. – Такие мы теперь все здесь: серые, одинокие, и дрожим... Только вы останетесь, а я пойду дальше...»

В осинник упирался конец длинной каменной ограды высотой вполовину человеческого роста. Такими огораживают свои поля и пастбища богатые люди. На поле чернела мерзлая земля с полусгнившими остатками ботвы. Житейская мудрость, привычная и не осмысленная почти так же, как голос крови у зверя, повернула Атлу прочь отсюда: даже если тут и будет чем поживиться, богач рассердится за свое добро гораздо скорее и сильнее, чем простой бонд*. Но соблазнительное хранилище вдруг показалось совсем рядом: тонкие осиновые бревна, жесткая солома сверху торчит во все стороны...

Быстро оглядевшись и нигде не заметив шевеления жизни, Атла подхватила повыше подол рубашки и перебежала по краю поля к хранилищу. Оторвавшись от леса, она испытывала беспокойство и торопилась скорее вернуться под его надежную защиту. В открытом поле ей было так тревожно, что даже руки дрожали; впрочем, это могло быть и от холода. Деревянный засов разбух, почти врос в скобы и поддался не сразу; но решимость всегда придавала Атле сил, и скоро она уже подняла тяжелую крышку. Раскопав холодную солому, она увидела округлые желтовато-белые бока брюквы. Не земляника, конечно, но сойдет.

Согнув локоть, Атла положила в него три или четыре брюквы, жалея, что у нее нет мешочка или корзинки. Вдруг предчувствие толкнуло ее поднять голову. По дальнему краю поля шли двое мужчин, а на полшага сзади семенила толстая старуха в широченной короткой накидке. Смешно размахивая руками, она, как видно, просила тех двоих идти помедленнее; до Атлы долетели неразборчивые звуки голоса. Ее еще не заметили, как и она не заметила темную одежду среди серых стволов. Но сейчас...

Мгновенно Атла пригнулась и спряталась за хранилище. Дождалась! Впервые встреченные на побережье люди показались опасны, как звери. Помня о лошади Вальгарда, рядом с разоренным собственными руками овощным хранилищем Атла ощущала себя преступницей, и ее заливал такой страх, какого она не испытывала и во время бегства от раудов. Сжавшись в комок позади бревенчатой стенки хранилища, она стремилась как-нибудь исчезнуть, уйти хоть под землю, только не быть замеченной.

Но те трое шли прямо сюда; на спинах у мужчин она мельком заметила ивовые корзинки. Отсидеться не получится, надо бежать. Стряхнув первое трусливое оцепенение, Атла поспешно бросилась назад к лесу, пригнувшись и теряя по пути брюквы. Она старалась не думать, заметят ее или нет, а сосредоточилась на одном стремлении: скорее оказаться в лесу. Открытое пространство до опушки казалось бесконечным и ненадежным, как тонкий лед; каж-

дый миг Атла ожидала взгляда, как удара в спину. Страх не давал вздохнуть, а ноги двигались сами собой.

Позади раздался короткий вскрик сразу двух голосов: мужского и женского. Не оглядываясь, Атла разогнулась и во весь дух пустилась бежать к опушке, больше не скрываясь. Мерзлая земля то скользила, то проминалась под ногами, подол путался, словно хотел помешать ее бегу, волосы лезли в глаза, и Атла неслась почти вслепую, лишь смутно различая впереди частокол серого осинника. Преследователи мерещились уже совсем близко, и она напрягала все силы, стремясь к лесу, как рыба к воде.

Вот и опушка! Протиснувшись между двумя первыми стволами, Атла вдруг ощутила вокруг тишину и пустоту и разом поняла: никто ее не преследовал. Где же они? Атла обернулась.

Те трое стояли почти на том самом месте, где она их впервые увидела; к ней были обращены изумленные, искаженные страхом и оттого почти одинаковые лица. Глаза вытаращены, рты открыты в немом крике – язык отнялся! Один из мужчин вцепился в рукоять ножа на поясе, другой прижал ладонь к груди – как видно, к амулету. Старуха подняла руки перед собой, то ли защищаясь, то ли готовясь бежать.

Учащенно дыша, Атла вытаращила глаза: что с ними? А потом поняла: они сами ее испугались. Видно, поняли, что сейчас она способна даже укусить. Изумление и ужас «противников» были нелепы, дики, даже смешны. Атла хотела засмеяться, вместо этого кашлянула, и звук получился глухим, отрывистым, похожим на лай.

Мужчины попятились, старуха слабо всплеснула руками, загребла ими холодный воздух, словно хотела отплыть назад. И Атла пошла в глубь осинника, теперь уже не торопясь, наслаждаясь своим призрачным могуществом и помахивая знаком победы – сморщенной маленькой брюквой, держа ее за хвост, как крысу. Она даже запела, вспоминая пиры в усадьбе Перекресток:

Троллей грозный недруг
Топора на рати
Смёл врагов несмелых...⁷

Но дальше трех строчек дело не пошло: собственный голос показался Атле каким-то зажатым, грубым, неприятным. Радость нелепой победы растаяла, мгновенное торжество сменилось тоской, вязкой, как мокрый снег, и непроглядной, как зимние облака. Нашла чему радоваться! Атла снова вспоминала глупые лица напуганных рабов и злилась: на них, на себя, на весь свет. В этом испуге было что-то такое горькое для Атлы... Лучше бы ей их не встречать! Даже брюква стала ей ненавистна, и только из упрямства она не выбросила «славную добычу». Надо же будет что-то показать Вальгарду. Пусть знает, что не он один способен наводить ужас своим видом...

Задумавшись, Атла не сразу заметила, как впереди мелькнуло еще что-то живое. До избушки оставалось идти всего ничего, она ощущала себя почти в безопасности, как вдруг из-за елей выскользнула человеческая фигура. Атла вздрогнула, подалась назад, впившись глазами во встречного. И застыла в изумлении: человек, мелкими семенящими шажками спешащий ей навстречу, ростом был с десятилетнего ребенка, но по сложению казался взрослым мужчиной, чуть толстоватым, но довольно-таки ловким. Облезлая меховая шапчонка сидела на круглой голове боком, даже не без некоторой лихости; на ходу человек кутался в короткий меховой плащ, пряча руки. Не замедляя шага, он проскользнул мимо Атлы и скрылся между деревьями; на нее он лишь бросил беглый, нагло-приветливый взгляд и ухмыль-

⁷ Недруг троллей – бог Тор, Тор топора – поэтическое обозначение мужчины-воина.

нул, показывая зубы с одной стороны рта. Его ухмылка казалась заговорщицкой, точно они с Атлой шли, независимо друг от друга, по одному и тому же делу. Притом такому, какое не делает им чести.

Обернувшись вслед проходящему, Атла сразу же потеряла его из виду и снова осталась в лесу одна. Встречи с людьми, которых она так боялась, прошли нелепо: сначала ее испугались, потом не заметили... То есть заметили, но не удостоили словом. Атла почувствовала растерянность: подобного равнодушия, беглой ухмылки она не ждала. Если бы встречный накинулся на нее с расспросами, даже обвинил бы в краже брюквы – это было бы понятно. Что здесь за странная местность такая? Она ничего не понимала. Уж не померещился ли ей этот карлик...

И вдруг Атле стало так страшно, что на глазах выступили слезы. Земля дрогнула под ногами, захотелось уцепиться за ближайшее дерево, чтобы не провалиться куда-то. Карлик! Маленький рост, суетливые проворные движения, нагловатая ухмылка: а я все про тебя знаю... Троль!

Никогда в жизни Атла не видела троллей. Дождалась вот! Они с Вальгардом забрели в местность, где хозяйничают тролли! Сразу все стало пугающе ясным, даже непонятное добродушие здешних жителей приобрело зловещий смысл. Лес, только что бывший надежным убежищем, вдруг наполнился угрозой; деревья превратились в толпу врагов, за каждым стволом шевелились и скалили зубы тролли. Они даже не прячутся, открыто показываются на глаза, зная, что добыча не уйдет...

Задышавшись от бега и прижимая руку к груди, Атла ворвалась в избушку и принялась тереть Вальгарда.

– Уходим отсюда! – сдавленно выкрикивала Атла, сквозь боль в груди жадно стараясь вдохнуть. – Здесь тролли! Я сама видела одного! Нужно уходить! Здесь дурное место!

– С чего ты взяла? – лениво ответил Вальгард, даже не приподнявшись и вяло отмахиваясь от Атлы, как от назойливой мухи. Скорее всего, он разобрал лишь одно слово из десяти. – Здесь совсем неплохо.

Атла не ответила и молча села на край лавки. Проклятую брюкву она положила рядом с собой, осторожно, как гусиное яйцо. Спокойствие Вальгарда опять сбilo ее с толку: в последнее время это у всякого получалось так легко! Только что она была полна ужаса и стремления поскорее бежать отсюда, но несколько слов оглушили ее и наполнили растерянностью. Может быть, все это пустое? И троль ей померещился? А те трое на поле тоже померещились? Великий Один! Да хоть сама-то она, Атла Сова, есть на свете или она тоже морок? Только чей? Узнать бы, и уж он-то за все ответит!

Молча сидя на краю лавки, Атла пыталась нащупать свое место в пространстве. С одной стороны были люди, которые испугались ее, а с другой – троль, которого испугалась она сама. А она очутилась посередине, на какой-то грани, узкой, как кончик иглы, и темной, как вода в проруби ночью.

– Что тебя напугало? – расспрашивал тем временем Вальгард. – Ты кого-нибудь встретила?

– Да. – Атла наконец нашла в себе силы кивнуть. – Сначала трех человек на поле. А потом троль в лесу. Он мне подмигнул.

– Ну, не укусил ведь! – усмехнулся Вальгард. – Может, ты ему понравилась! Ты уверена, что это был троль?

Атла опять кивнула. Вспоминая краткую встречу, она все больше укреплялась в своей догадке. И не внешность малорослого толстяка и не его поведение тому причиной, а то чувство, которое в ней осталось, – как будто она погладила ладонью изморозь на камне. Холодно, шершаво, тает и течет... Холодно, зыбко, неопределенно... Вся ее жизнь стала такой вот. А все эти проклятые фьялли!

На глаза ее снова навернулись слезы, но теперь это были злые слезы. Атла до боли сжала кулаки, страстно желая своими руками передуть все это племя, что выгнало людей из домов и отдало живых во власть нежити. Перед глазами возник, как из туманной мглы, ее угол в кухне Перекрестка, прялка с трещиной в нижней доске, за которой она просидела столько дней и вечеров. Нельзя сказать, что ей жилось весело, но она привыкла и думала, что так будет всегда. А потом – зарево пожара над лесом, лица тех, кто теперь умер, лица тех, кто не пустил их ночевать, и опять того тролля, который посмотрел на нее, как на свою...

– Надо уходить отсюда! – повторила она, слыша, что голос стал ломким и гнусавым от слез, но уже не стыдясь их и не стараясь скрыть. – Я боюсь.

– Здешние люди тоже боятся, – спокойно ответил Вальгард. – Должно быть, они и меня приняли за тролля, тогда, с лошадыю. И тебя приняли за тролля. Так что нам нечего бояться. А настоящий тролль ко мне не подойдет. Он сам меня боится.

Вальгард посмотрел в угол возле двери, где сложил свое оружие. Отблеск с очага выхватил из тьмы край красного щита. В Перекрестке было принято, чтобы в гриднице щиты вешались над местами их хозяев, и потому щиты Орма (красный с желтой поперечной полосой) и Виднира (бурый с синим кругом возле умбона*) нередко летали туда-сюда, опрокидывая посуду со столов. «Луна и солнце делят место на небе!» – смеялись домочадцы. «Да уйми ты своих медведей!» – визгливо взывала к мужу фру Брюнхильд, а он только хохотал в ответ. Не зря хозяйке досталось имя валькирии... Всего этого больше нет и не будет никогда...

– Надо уходить отсюда, – повторила Атла. И сама знала, что идти некуда.

– От своего страха не убежишь, как от самого себя, – заметил Вальгард и снова улегся на охапку еловых лап, покрытых плащом. Для него это место было достаточно удобным. – Хочешь быть смелым – будь. Гони прочь страх, пусть он проваливается, а мы сами здесь останемся. Здесь совсем не плохое место. Мы видели гораздо хуже. Или ты все забыла? А идти дальше – куда? Впереди только море. Еда у нас еще есть... Ты что-то принесла?

Атла посмотрела на брюкву и скривила губы. Но усмешки не получилось. Ее раздирали два противоречивых чувства: хотелось немедленно бежать прочь отсюда, но в то же время казалось, что на всей земле ей нет места.

Глава 2

Этой зимой жители Хравнефьорда не испытывали недостатка в новостях. На праздничных пирах, которые с приходом йоля зашумели в каждой мало-мальски уважающей себя усадьбе, увлекательные беседы не смолкали день и ночь. Угощений тоже пока хватало, так что подданные Хельги хёвдинга могли считать себя самыми удачливыми людьми на всем Квиттинге.

Хельга чувствовала себя совсем счастливой. Чувства счастья и радости были нередкими гостями в ее душе, но сейчас она точно знала, чему радуется (по крайней мере, думала, будто знает). На йоль ожидался в гости Гудмод Горячий со всеми домочадцами, и она с нетерпением ждала новой встречи с Брендольвом. Они с ним и раньше дружили, Хельга привыкла к нему, как к брату, и скучала, когда он уехал. Повзрослевший и изменившийся, он после возвращения вызвал у нее не меньше любопытства, чем радости. От них уехал семнадцатилетний подросток, в котором она видела товарища по играм, а вернулся взрослый мужчина с бородой! Брендольв раздался в плечах, и голос у него стал ниже, гуще. Только когда он смеялся, в нем прорывалась прежняя искренняя звонкость, и Хельга узнавала прежнего Брендольва, но не упускала из виду и нового – короче, их стало как бы два! Все это было так занятно и восхитительно, что Хельге хотелось смеяться, и она смеялась, и домочадцы улыбались ей, не зная о причине веселья. При мысли о Брендольве Хельга чувствовала, что ей преподнесен изумительный подарок, что в ее жизни появилось что-то свежее, что-то такое, что все изменит. Она выросла, окруженная любовью домочадцев и соседей, но сейчас появился человек, способный и готовый любить ее как-то по-иному, чья любовь могла дать ее жизни какие-то иные, новые дороги. Тонким женским чувством Хельга угадывала, что их детская дружба с Брендольвом может развиваться во что-то большее, и это наполняло сердце глубокой, искрящейся, многогранной радостью.

Но если он так изменился, то и для нее самой тоже прошли четыре года! Как проснувшись, Хельга и в себе самой заметила перемены. Раньше у нее не было будущего, потому что она о нем не задумывалась; один день переходил в другой такой же, и Хельга не ждала перемен. А теперь она их ждала, и тихий, глупый и такой сладкий восторг неприметно кипел в ней, как крошечный родничок под камнем.

Чтобы время бежало побыстрее, Хельга с раннего утра принимала деятельное участие в подготовке к пиру; ей хотелось делать десять дел разом, но не хватало терпения довести до конца хотя бы одно. То она гремела котлами среди служанок на кухне, то волокла из сундуков дорогие ковры, которыми покрывали стены в дни самых больших праздников; развернув ковер, она принималась с увлечением рассматривать вытканые на нем подвиги Сигурда или повесть о создании мира, позабыв, что ковер-то надо вешать на стену. Приезжали гости, и Хельга бежала встречать; она обожала гостей, и чем больше народу собиралось в усадьбе, тем веселее ей было. Она всех расспрашивала о новостях, задавала вопросы и тут же забывала ответы, но никто на нее не обижался, потому что она так искренне радовалась людям, что даже бедные бонды чувствовали себя уважаемыми и желанными гостями. Маленькая и хрупкая, она ухитрялась заполнить собой, своим голосом и смехом всю огромную усадьбу.

– Пахнет весной! – ликующе кричала она, в полдень выйдя зачем-то во двор и тут же забыв зачем, увлеченная и опьяненная блеском чистого зимнего солнца. – Даг! Где ты! Сольвёр, бабушка! Эйк, иди послушай... то есть понюхай! Я вам говорю – пахнет весной!

Домочадцы только посмеивались, продолжая заниматься своими делами. А Хельга блаженно зажмурилась, сбросила с головы капюшон, подставила лицо мягкому, нежаркому солнечному лучу. Должно быть, на углу дома солнце чуть-чуть прогрело землю, и Хельга улавливала слабый, тонкий, но такой восхитительный запах талой воды и мокрой земли. Этот запах дарит сразу так много: закрой глаза – и увидишь весну во всем ее блеске, ослепительное солнце,

прозрачные ручьи с пестрыми камешками, голубое небо в лужах, черный, изъеденный, умирающий лед, готовый выпустить на волю живую, дышащую землю, первые влажные ростки, которые тем и хороши, что обещают впереди расцвет... В воображении все это было так близко, что Хельга даже удивилась, когда открыла глаза и увидела широкие пятна белого снега на горах за фьордом, блестящие уверенно и гордо. Низкое солнце вот-вот спрячется – еще только йоль, до весны долгие месяцы...

Но в сердце Хельги весна уже дышала и пела. В округе про нее говорили, что она, наверное, из рода альвов*. Хельге нравились такие слова, но она только смеялась и не верила: как же она, дочь Хельги хёвдинга, может оказаться из рода альвов? Ее не принесло морем в золоченом щите вместо колыбели, ее не нашли, новорожденной, возле ручья у корней ясеня, ее не оставила неизвестная женщина, зашедшая переночевать. Она родилась здесь, в этом доме, и ее отец, ее мать, их предки во многих поколениях были хорошо известны на восточном побережье. И даже при ее рождении никто не заметил, чтобы вошедшие норны* спряли золотую нить и привязали ее к палатам луны.⁸ «Просто не умели как следует смотреть! – говорил корабельный мастер Эгиль Угрюмый. – Уж я бы не проглядел, окажись я тогда здесь! Тебе, Хельга, как видно, достался дух альва!» – «Да разве так бывает?» – смеялась Хельга, впрочем, довольная таким решением. «Еще как бывает! – горячо уверял Эгиль, а ему стоило верить. – Человек – самое удивительное создание во всех девяти мирах.⁹ Он может быть каким угодно и даже сам не знает всей правды о себе. Ему может достаться дух альва, а может – тролля. С ним может быть все, даже такое, чего ни с троллями, ни с альвами, ни даже с самими богами не бывает». – «Что же?» – «А то, что тролль он и есть тролль, альв он и есть альв. Боги создали их раз и навсегда, стать другими они не могут. А человек может наработать в себе дух того или другого. Или обоих сразу, да в такой смеси, что сам Локи* не придумает хитрее. Каким ему быть – человек выбирает сам!»

В такие сложности Хельга не вдавалась, но слова корабельщика о том, что с человеком может быть все, казались ей очень правильными. И она жила, с веселым и жадным любопытством впитывая в себя мир, и он все шире раскрывал перед ней свои сокровища, такие, что лежат под ногами и ждут лишь внимательного взгляда. Кто пробовал заглянуть в камень? В простой обломок серого гранита? Он только на первый взгляд серый. В нем есть тоненькие черные прожилки, похожие на дорожки для очень-очень маленьких ног, есть прозрачные белые зернышки, как окошки внутрь чудесного дома, и даже в серых зернышках поблескивают какие-то таинственные искры, приглашая заглядывать еще глубже. И шероховатость его что-то шепчет кончикам пальцев – только слушай... И вот уже нет никакого серого камня, а есть целый мир, который так удобно держать в руке и который тихонько дышит у тебя в ладони, давая тебе чувство немыслимой огромности и глубины... Единственное, что в представлении Хельги не могло быть истиной, так это слова «этого не может быть».

Гости из усадьбы Лаберг не заставили долго ждать себя, и все оставшееся время Хельга не отходила от Брендолва. Всему семейству хёвдинга Брендолв привез подарки. Хельге и Мальгерд хозяйке достались цветные заморские ткани, серебряные браслеты и ожерелья тонкой говорлинской работы, по связке черных соболей. Хельга ахала и охала, звенела серебром, гладила мех и мягкий шелк, изумляясь всей этой красоте и не веря, что это подарено не кому-нибудь, а ей.

– Должно быть, ты немало заплатил за это! – приговаривала фру Мальгерд, покачивая головой. Ей было приятно, что бывший воспитанник Хельги хёвдинга так уважает их, но по

⁸ Намек на знамения при рождении одного из великих героев «Старшей Эдды».

⁹ В древнескандинавской мифологии насчитывалось девять известных миров, населенных богами, людьми, великанами и прочими существами.

привычке наставлять его наравне с собственными внуками она не могла одобрить такое расточительство. – На все это можно купить корабль!

– И нанять дружину на целый год! – со смехом подхватил Брендолль, который был рад щегольнуть щедростью. – Не печалься, бабушка! Я ведь покупал все это не у кваргов, а у самих говорлинов, там это подешевле.

– Ты мне расскажешь, как там? – просила Хельга, уже забыв о подаренных сокровищах и всем сердцем желая послушать о заморских землях. – Как там живут?

– Надо все это убрать. Собери, Сольвёр, – распорядилась фру Мальгерд, нашаривая в связке нужный ключ.

– Ах, бабушка, ну можно, я оставлю себе хоть что-нибудь! – взмолилась Хельга.

После недолгих уговоров фру Мальгерд разрешила ей надеть подаренное ожерелье, и довольная Хельга сама потащила остальные подарки в сундук под замок. Брендолль смотрел ей вслед, улыбаясь и неопределенно покачивая головой. Четыре года назад он оставил здесь двенадцатилетнюю девочку, хорошенькую, подвижную, веселую. Сейчас девочка подросла, и в первый миг Брендолль удивился – ему казалось, что без него в Хравнефьорде ничего не может измениться. И все же эта перемена – к лучшему. Ведь сам он повзрослел, из подростка стал мужчиной, и ему веселее было иметь дело со взрослой девушкой, чем с ребенком. А если эта девушка расположена к нему так же, как прежняя девочка, – что может быть лучше? Брендолль радовался, что в душе дочь его воспитателя так мало изменилась. Ни для кого не составляло тайны, что Гудмод Горячий и Хельги хёвдинг думают породниться, и Брендолль давным-давно знал, что за женой ему не придется ехать далеко.

И все же недаром именно она первой узнала его там, на берегу! Вспоминая об этом, Брендолль улыбался, душу согревало предчувствие будущего счастья. Не зря она узнала его и так смело вышла вперед!

Однако вечером, когда все гости собрались и расселись за пиршественными столами, Хельга сидела рядом с бабушкой чинно и важно, как и подобает взрослой дочери могущественного хёвдинга. Может быть, наставления бабушки, а может, непривычная тяжесть узорчатого ожерелья на груди произвели эту перемену, и сейчас, когда она не бегала и не смеялась, Брендолль ясно увидел, что его подруга все же повзрослела. Нарядная и спокойная, с расчесанными волосами, с вышитой золотом лентой на лбу, она выглядела очень красивой, и Брендолль подмечал, что многие мужчины бросают на нее многозначительные взгляды. Но Хельга не гордилась своей красотой: просто она устала за день и теперь была довольна, что может сидеть на месте и при этом видеть и слышать сразу всех.

– Должно быть, ты, Брендолль, там за морем ходил в разные походы? – расспрашивали гости. – Расскажи нам, что ты там повидал.

Рассказывать Брендолль любил и не заставлял себя долго упрашивать. За эти четыре года он подолгу жил у конунга кваргов, провел одну зиму в говорлинском городе Ветроборе (даже его название Хельга повторила только с третьей попытки), однажды плывал к уладам и много раз измерил побережья Морского Пути.

– Наверное, тебе не очень хотелось возвращаться домой! – говорили слушатели, завидуя его путешествиям. – У нас-то тут никогда ничего не случается! Ты мог бы добыть еще больше богатства и славы!

– Самая большая слава теперь здесь! – ответил Брендолль. Хельга, привыкшая к тому, что даже о самых опасных событиях он рассказывает с улыбкой, удивилась, до чего серьезен он стал при этих словах. – Я еще летом услышал, что конунг фьяллей решил испытать прочность наших щитов. А раз так, я решил вернуться. Где же добывают славу, как не на войне? А война теперь у нас на носу, так что за славой не надо ездить далеко!

– Вот это верно! Теперь уже совсем близко!

Гости загомонили: об этом каждому нашлось что сказать. В усадьбе Тингваль жили сейчас несколько человек из тех, кто бежал с Квиттингского Севера от фьяллей и раудов. Разговор свернул на войну, и Хельга тоскливо вздохнула. Она уже много раз слышала о битвах и пожарах усадеб, и лица людей, которые все это видели своими глазами, наводили на нее давящую тоску. Хельге не хотелось верить, что так бывает, что в этом прекрасном мире, где даже в первый день июля уже пахнет весной, есть кровь и дым пожаров. Смерть, которой никто не хотел и не звал. Обездоленность безо всякой своей вины. Что-то дурное, что никак нельзя поправить. Весь ее мир дрожал и ломался при мысли об этом, впечатлительной душе казалось, что и ей самой не миновать подобной участи.

Хельга не хотела так думать. Обводя глазами просторную гридницу, она старалась утешить себя, уцепиться за что-нибудь надежное. Ведь Хельги хёвдинг – такой могущественный человек, у него столько дружины, столько друзей и родни! У них такая большая усадьба, такой крепкий дом, где на столбах возле почетных сидений вырезаны подвиги Одина и Тора*, а стены увешаны пестрыми коврами и дорогим оружием. И сколько лиц – знакомых, веселых, уверенных. Ее благополучие ограждала прочная каменная стена, и все же Хельга не могла избавиться от беспокойства.

– Лучше бы поговорили о чем-нибудь другом! – шепнула она бабушке.

– Это было бы хорошо, – согласилась та. – Но эта война есть на самом деле, и тебе надо привыкнуть к этому. Мы не знаем, что нас ждет, а если и знаем, то ничего не можем изменить.

Хельга не ответила. Слова бабушки почему-то показались ей обидными. Почему не можем изменить? Хельга знала немало саг и преданий о том, как даже очень доблестные люди становились жертвами злой судьбы, но не хотела им верить. Наверное, и Сигурд Убийца Дракона сумел бы что-нибудь поправить в несчастьях своей жизни, если бы очень захотел. Отец, Гудмод Горячий, Даг, Брендолльв – такие красивые, сильные люди! Не может быть, чтобы судьба их была зла, а они не могли ничего изменить!

– А я уже слышал, что и у вас тут завелись немалые опасности! – весело сказал Брендолльв. Хельга повернулась к нему и встретила задорный, блестящий в свете факела взгляд. – В наших местах завелись тролли, да?

Гости засмеялись: благодаря приезду самого Брендолльва многие позабыли о происшествии с лошастью Кнёля, а теперь, когда вспомнили, событие показалось скорее смешным, чем тревожным.

– Ты прав, родич! – в противоречии с общим смехом сердито крикнул Ауднир, брат Гудмода. – Никто, кроме тролля, не смог бы так нагло отнять у людей добро! И я с ним посчитаюсь, будь это хоть великан!

Ответил ему новый взрыв смеха: следовало понимать его как одобрение доблести Ауднира. Но он даже не улыбнулся. Ауднир был серьезным человеком. Младший сын, он унаследовал не так уж много из отцовского состояния, а хотел бы иметь все. Поэтому он неустанно копил богатство, каждое лето ездил торговать. Поговаривали, что он не стесняется и грабить встречных, но только тогда, когда его силы безусловно превосходят противника. Именно поэтому Ауднир не хвастался своей доблестью, и его за глаза звали Аудниром Очень Осторожным. Также его можно было назвать и Аудниром Бережливым, так как ни единое зернышко у него не пропадало. Словом, он намеревался обязательно оправдать свое имя.¹⁰

– Я тоже видел тролля! – подал голос один из гостей, когда смех поутих.

Гости с готовностью обернулись, надеясь еще посмеяться. Это заговорил Тран, один из мелких бондов, живущий поблизости от усадьбы – длинный худощавый человек с вытянутым лицом и жидкой рыжеватой бородкой. Вид у него был всегда грустный, он считался человеком

¹⁰ «Ауднир» означает «богатый».

разумным и отвечающим за свои слова. Поэтому, когда он сам набирался смелости открыть рот, его соглашались слушать даже на таких больших пирах.

– Где ты его видел? Не во сне? На Седловой горе? И он тебя тоже ограбил? – посыпались со всех сторон веселые расспросы.

– Нет. – Тран покачал головой, потом кивнул, так что поначалу было не вполне ясно, на какой вопрос какой ответ он дает. – Да. Я видел тролля не на горе, а в поле, возле осинника. Он меня не ограбил, а просто украл немного брюквы. Вернее, это даже была троллиха. Со мной были Бротт и мать, они могут подтвердить. Они тоже видели. Это была троллиха – такая худая, маленькая, сгорбленная. И очень злобная. Она вытаскивала брюкву, когда мы подошли. А потом пустилась бежать. Так быстро, точно у нее три ноги. Моя мать видела, что на руках она держала ребенка... то есть тролленка. Маленького, сморщенного и с острыми ушками. Она обернулась на опушке и посмотрела на нас... Великий Один! Бротт потом до самого дома не мог слова сказать. У нее такие глаза... Такими глазами съесть можно.

Теперь никто не смеялся. Гридница молчала, и каждому виделась опушка осинника, зловещая фигура троллихи, пристальный и сумрачный взгляд иной жизни...

– Наверное, это жена того тролля, что ограбил тебя, Ауднир хёльд, – серьезно сказала среди тишины одна из гостей, фру Кольфинна из усадьбы Нордли – Северный Склон. – И у них тролленок. Раньше здесь таких не было. Целое семейство! И они поселились у нас!

Гости качали головами. Не слишком связный рассказ Трана показался очень убедительным. И никого не порадовали такие новости. Целое семейство троллей! Только этого не хватало!

– Правда, если она и взяла что-то, то совсем немного, – добавил Тран, будто хотел попросить извинения за троллиху. – Там было рассыпано на земле немного брюквы... И тронула она только самый верх.

– Но ты съел эту брюкву? – строго спросила фру Мальгерд. Тран грустно кивнул, и она добавила: – Нельзя есть ничего, к чему прикасались тролли. И трогать не надо!

– Я завтра же велю убрать с полей все овощи в усадьбу! – озабоченно сказала жена Гудмода, фру Оддхильд. – Ведь там совсем рядом наше поле!

Гости одобрительно загудели, каждый стал прикидывать, как ему обезопасить свое собственное добро от троллей.

– Великий Один! – всплеснула руками еще одна женщина. – Да ведь тролли плодятся быстрее зайцев! Скоро у нас тут будет целая стая!

– Это они вылезли из-под камней, потому что йоль! – с видом знатока добавил Марульв Зануда. Свое прозвище он получил за то, что вечно провозглашал истины, известные каждому ребенку. – Пока солнце слабое, троллям раздолье!

– Надо устроить облаву! – тут же предложил Тьодорм Шустрый, прозвище которого отражало его нрав, и вскочил на ноги, точно уже хотел бежать куда-то. – Прямо сейчас, пока нас собралось так много! Пойдем все вместе и прогоним троллей, пока они не успели расплодиться! Что скажете? Разве я плохо придумал?

– Это отлично придумано! – воскликнул Гудмод Горячий, и Тьодорм расцвел, видя, что его поддержал самый знатный из гостей. – Давненько мы не забавлялись охотой на троллей!

Гудмод рассмеялся: он был человеком увлекающимся и легко загорался новой мыслью. Гости засмеялись тоже: подобных забав не бывало отроду. Но некоторые сидели с обеспокоенными лицами: новости казались неподходящим предметом для шуток.

– Не следует так торопиться! – подала голос фру Мальгерд. Шутки шутками, на то и пир, но горячим головам нельзя позволять увлекаться. – И тем более во время йоля. Сейчас тролли сильнее людей. Подождем немного, пока солнце наберет силу.

– А тебе, Брендолльв, после заморских походов какие-то жалкие тролли нипочем? – подзадорила своего товарища Хельга. Разговоры о троллях вызвали в ней восхитительную смесь

ужаса и любопытства, и она только и вертела головой от одного говорившего к другому. Вот бы повидать хоть одного тролля! Хоть маленького!

– После заморских походов мне не очень-то верится в троллей! – с ласковой снисходительностью ответил ей Брендольв. Все-таки она еще совсем девочка! – Я повидал много всяких бед, которые существуют на самом деле. И троллей я бы оставил пугливым детям.

Гридница обиженно промолчала. Не слишком ли сын Гудмода стал задирать нос после своих походов?

– Пока не увижу тролля своими глазами, не поверю, – добавил Брендольв.

– А кто же это был, по-твоему? – стали расспрашивать его.

– Какие-нибудь бродяги, беглецы с севера, – пришел на помощь товарищу Даг. – Мало ли сейчас людей, которые из-за фьяллей потеряли дом и все добро? Им же надо где-то жить и что-то есть. А много ли они могут раздобыть в лесу зимой?

– Я еще удивился, что у вас тут так мало разбойников, – подхватил Брендольв. – Пока я плыл домой, был готов услышать, что у вас тут ни одна дорога не спокойна и ни один погреб не чувствует себя в безопасности.

– За свои дороги и погреба мы сумеем постоять, – уверил его Хельги хёвдинг.

– Мы принимаем всех, кто просит гостеприимства, – негромко добавила фру Мальгерд.

Гости загудели, стали переглядываться. Все видели беглецов с Квиттингского Севера, но не все принимали их. Многие, заведя у ворот изможденных путников с нелепыми остатками домашнего добра, совали им что-нибудь из еды и торопились спроводить подальше, отводя глаза с чувством брезгливой жалости, пока беда, как зараза, не перепрыгнула на них. Лучше бы совсем не видеть этих, с севера! И больше боялись те, кому было что терять.

Ауднир насупился: он всех гнал прочь, приговаривая, что у него не гостинный двор. Он жалел еды для бесконечных побирушек, но еще больше боялся, что те занесут в его дом свою страшную неудачу. То неприятное чувство ненадежности собственного благополучия, которое так мучило Хельгу, в том или ином виде испытывал каждый.

– Будет обидно, если это никакие не тролли! Мы лишимся славного подвига! – с видом притворной грусти протянул Равнир и подмигнул йомфру Хлодвейг, дочери Хринга Тощего, которая сидела к нему поближе.

Девушка улыбнулась, потому что привыкла слышать от Равнира что-нибудь забавное, но на ее миловидном румянном лице отражалось явное сомнение в его правоте. Да кому же в здравом уме нужны тролли!

– Нужно спросить у старой Трюмпы, тролли это или люди, – сказала фру Мальгерд. – Она-то узнает. И тогда мы будем лучше знать, как нам обезопасить себя.

– Я уже думал об этом, – сказал Ауднир. – Уж я-то не упущу случая узнать, кому досталось мое добро! И он мне все вернет, до последнего зернышка!

– Эта старая Трюмпа не лучше тролля! – шепнула фру Кольфинна Хельге, и та кивнула в ответ.

– А скажи-ка, Брендольв, ведь это славный подвиг – прогнать или убить тролля? – сказал Равнир и подмигнул Брендольву. – Такого тебе и за морем совершать не приходилось, да?

– Это верно! – Брендольв засмеялся и подмигнул ему в ответ, а потом посмотрел на Хельгу. – Если здесь и правда завелся тролль, то я знаю кого-то, кто скоро отправится на поиски!

– Я знаю даже двух таких, – подхватил Даг. – А заодно проверю, не ты ли притворяешься троллем, чтобы испытать доблесть добрых бондов.

Брендольв расхохотался, отчасти жалея, что сам не додумался, а теперь поздно.

– И меня! И меня! – Хельга радостно хлопала в ладоши, чувствуя, что такого забавного приключения в ее жизни еще не выпадало. Как все же хорошо, что Брендольв вернулся!

* * *

Пир в усадьбе Тингваль продолжался три дня, и эти три дня для Хельги слились в один длинный и восхитительный день. С утра до ночи по всей усадьбе шевелился народ, везде звучали голоса, служанки сутились на кухне, в гриднице не убрали столов. Шум и радостная суматоха, непохожая на обычный порядок, наполняли душу Хельги восторгом, блаженным чувством, что жизнь сильно изменилась к лучшему и навсегда. Это все равно что весна. Жители округа радовались случаю свидеться и обменяться всеми новостями, какие у кого набрались. Кто-то летом путешествовал и теперь имел что рассказать; кто хвастался новыми нарядами, кто толковал сны; вечерами рассказывали саги и пели предания о богах, играли в тавлеи. Фроди Борода посватался к овдовевшей невестке Торхалля Синицы, и вечером отмечали обручение; Бьёрна Валежника помирили наконец-то с фру Арнхейдой из усадьбы Мелколесье, и они пообещали больше не топтать поля друг другу и не портить снасти. Мальчики и девочки, взятые родителями в гости, целыми днями носились по усадьбе и вокруг, наполняя воздух криками и мельканием снежков. Даже ночью в покоях не смолкали разговоры вполголоса – находилось немало умельцев рассказывать страшные саги про мертвецов и еще больше охотников слушать. Усадьба Тингваль жила дружно, и всякий, кто попадал сюда, с каждым вдохом впитывал в себя мир и расположение к людям. Оттого-то здесь никогда не ссорились, оттого-то все соседи так любили бывать здесь. Даже огонь здесь горел как-то по-особенному: всех согревая, но никого не обжигая.

Хельга была бы рада, если бы йоль никогда не кончался. Но время проходит, гости разъезжаются, и остается только смотреть на солнце и считать дни до весеннего Праздника Дис*, когда все повторится в усадьбе Лаберг.

Из грустной задумчивости, которая неизбежно наступает после большого веселья, Хельгу вывела Сольвёр. Утром она отлучалась из усадьбы и вернулась с таинственным и озабоченным видом.

– А я видела кое-кого, кто тащил лошадиный череп! – загадочно сообщила служанка.

– Кого? – Хельга тут же обернулась к ней. Лошадиный череп прямо наводил на мысль о колдовстве. – Куда тащил?

– Куда! – воскликнула Троа, другая служанка. Она шла с вымытыми деревянными ведрами для молока, но остановилась, поставила ведра на землю и воинственно уперла руки в бока. – Куда же еще, как не к старой Трюмпе? Кому еще у нас может понадобиться такое добро!

Работники, женщины, даже кое-кто из хирдманов подходили поближе, прислушивались. Трюмпой звали старуху, которая жила с двумя сыновьями и невесткой в самом дальнем конце фьорда. Она была колдуньей, да и вся семья ее зналась с нечистью, потому их сильно не любили. В другом месте колдунов давно бы прогнали прочь, но Хельги хёвдинг не разрешал этого делать. «Здесь – „мирная земля“! – говорил он. – Здесь находит приют каждый, кто в нем нуждается, и никого мы не будем гнать отсюда! Каждый имеет право жить, где хочет, пока не вредит другим».

– А кто нес к ней череп? – спросил Даг. Брезгливо хмурясь, он все же не хотел пройти мимо: опасностью колдовства нельзя пренебрегать.

– Тот, кто обещал это сделать. Ауднир сын Гейрмода, – ответила Сольвёр и поджала губы. Дескать, вы можете сердиться и даже не верить, но я-то знаю, что сказала правду.

– Это верно! – согласилась Хельга. – Я помню, на пиру в самый первый день Ауднир обещал, что не оставит дела так. Он обещал, что прогонит троллей!

– Это обещал не один Ауднир! – без улыбки, а даже с некоторым беспокойством вставил Равнир (вот уж кто не проходил мимо, если собирались вместе хотя бы три человека). – Помните, и Брендольв Морской Грабитель, и ты, Даг, тоже что-то такое говорили.

Хельга улыбнулась, опять услышав прозвище, которым Брендолва наградили после недавней шутки. Но на самом деле ей было не до смеха. Даг с беспокойством посмотрел на сестру; у Хельги горели глаза, щеки ярко разругались, дыхание участилось, а внутренние концы бровей подрагивали, как крылья бабочки. Она слишком близко к сердцу принимала эти события.

– Значит, Ауднир хочет колдовать! – опять заговорила Троа, и ее круглое полное лицо затряслось от сдерживаемого негодования. – До добра это не доведет! Когда в округе живут колдуны, это никогда не доводит до добра! Если они кого невзлюбят, то могут погубить! И тогда прогонять их будет поздно! Я всегда говорила! И люди говорили! А наш хёвдинг не хочет слушать! Он, конечно, хороший хозяин и мудрый человек, – Троа бросила уважительный взгляд на хозяйского сына – но многие скажут, что напрасно он позволяет Трюмпе и ее родне жить здесь!

Люди молчали, но на всех лицах отражалось согласие со словами женщины. А Хельга вдруг прижала ладони к щекам, с которых разом сошел румянец.

– Я слышу! – шепнула она, глядя на мерзлую грязь двора и не видя ничего. – Я слышу... Она поет... Она будит духов... Я слышу...

– Дождались! – мрачно бросил Равнир.

Сольвёр сделала движение, будто хотела обнять Хельгу, и на лице ее проступило беспокойство, как при виде больного. Но Даг опередил девушку и обхватил сестру рукой за плечи. Хельга уткнулась лицом ему в грудь и затихла. Даг смотрел поверх ее головы на север, туда, где жила старая Трюмпа, и лицо его было таким суровым, словно перед усадьбой стояло целое полчище врагов. Хельга тонко чувствовала перемены погоды, солнечные затмения, обращение луны. И колдовство. Пропетое за три горы отсюда заклинание эхом отзывалось в ее душе, и она дрожала, не в силах защититься от холодного ветра чужой недоброй воли.

* * *

Вершину фьорда венчала гора, которую так и называли – Вершина. Кое-где она поросла еловым лесом, но в основном каменистые склоны оставались открыты, и даже трава здесь не росла. Поэтому вокруг Вершины никто не хотел селиться, и старая Трюмпа, явившаяся сюда лет тридцать назад, пока муж ее был еще жив, выбрала это место для жилья. Никто не понимал, каким образом ее муж в одиночку, всего за одно лето, сумел построить избушку из толстых елей, которая стояла вот уже тридцать лет, низкой дверью на север,¹¹ похожей на провал беззубого старческого рта. Наверное, здесь не обошлось без колдовства. «Тролли ей помогали!» – говорили люди, и Хельга, бывало, смеялась, воображая несчастных остроухих троллей, изнемогающих под тяжестью огромных бревен. Никто не знал, как Трюмпа растила своих сыновей, родниться с ними никто не хотел. Когда прошел слух, что один из них женился, все были уверены: он взял в жены троллиху. Правда, кое-кто встречал его жену возле моря, но от разговоров она уклонялась, чем укрепляла подозрения. Само собой понятно, что жители округа старались не приближаться к Вершине, где обитало это семейство.

Только Ауднир Бережливый, младший брат Гудмода Горячего, изредка навещался в жилище Трюмпы. Старуха действительно умела колдовать и могла помочь кое-чем: отыскать пропавшую корову, направить косяки рыбы прямо в сети. Она умела даже прогонять болезнь от скотины, а если при этом заболела лошадь у кого-то другого, то это Ауднира не заботило.

Сегодня он пришел уже во второй раз и принес то, что Трюмпа велела принести – лошадиный череп. Выставив из дома всех трех домочадцев и даже самого Ауднира, старуха села на пол возле очага, положила себе на колени ореховую жердь и особым ножом принялась царапать

¹¹ Двери на север не делались в жилищах людей, но предполагалось, что так делается в стране мертвых.

на ней заклинания. Длинные цепочки рун вились, как змеи, и самому Аудниру, когда он увидел работу старухи, стало не по себе. А Трюмпа была очень довольна: она всегда радовалась, когда Ауднир приходил к ней по делу и давал случай показать себя.

– Теперь-то троллям не поздоровится! – хихикала она, моргая красными веками без ресниц. На первый взгляд старуха не казалась зловещей, и только потом, когда разглядишь мелкую недобрую суетливость в ее морщинистом лице и движениях, становилось неприятно. – Теперь-то они узнают, как воровать чужих лошадей! А когда лошадь найдется, ты отдашь ее мне, да?

Моргая, Трюмпа повернулась к Аудниру и попыталась поймать его взгляд, но он торопливо кивнул, пряча глаза. Целая лошадь сначала показалась ему слишком большой платой за колдовство, но потом, когда пошли слухи, что тролли воруют овощи, он решил, что от них надо скорее избавляться, чтобы со временем убытки не превысили цену лошади.

Бормоча, старая Трюмпа пошла со двора. В одной руке она несла лошадиный череп, а в другой волокла ореховую жердь. Конец длинной жерди царапал мерзлую землю, слышалось шуршание, будто ползет дракон. Небольшой, но очень опасный. Ауднир моргнул, затряс головой: ему вдруг показалось, что облик старухи – только морок, а на самом деле это какое-то совсем другое существо, нечеловеческое и опасное. Не стоило сюда приходить... И связываться с ней вообще не стоило... Тролли с ней, с лошадей... Лучше бы хёвдинг их прогнал... А не хочет – и не надо. Могут же все четверо, старуха с сыновьями и невесткой, случайно все вместе упасть в море? Еще как могут – склон крутой горы кончается обрывом...

Склон горы от избушки до самой вершины представлял собой сплошную каменную пустошь. Старуха отошла уже довольно далеко и казалась совсем маленькой – вроде усталой старой мыши, за которой волочится длинный хвост. Неприятное чувство прошло, Ауднир нахмурился: нет, спускать троллям-грабителям нельзя. Пусть колдует. И лошади не жалко. Так и так ее не вернуть – если она не попадет к старухе, то останется у троллей. Пусть жрет, старая крыса. Может, подавится.

Ауднир колебался: пойти следом или не пойти? Как всякий достойный человек, он презирал колдовство, занятие злых женщин. Наряду с презрением в глубине души жила боязнь, а с боязнью боролось чувство хозяина, привыкшего проверять, как выполняется оплаченная работа. Ауднир шагнул вслед за старухой, но из-за угла дома вдруг выскользнула неслышная тень. Вздвогнув, Ауднир обернулся: это была невестка Трюмпы, та самая, что взялась неизвестно откуда.

– Не ходи туда, – негромко и невнятно, почти не двигая губам, обронила она. Голос ее звучал так глухо, что Ауднир едва разобрал слова. – Духи кинутся на первого, кто им попадется. Не нужно, чтобы это был ты. Тебе и так... Тебя погубит жадность. Напрасно ты это затеял.

– Пошла прочь, отродье троллей! – злобно бросил Ауднир. В нем закипела злорада, он готов был ударить негодяйку, но боялся прикоснуться к ней, как к змее.

Пряча глаза, женщина отступила назад. Она была маленького роста, худая, бледная, с невыразительным лицом и пугливыми глазами.

– Я вижу, – шепнула женщина и коротко глянула на Ауднира, но не в глаза, а на лоб, как будто там под волосами пряталась тайная печать.

Ауднир не успел спросить, что же она видит, как женщина опять опустила лицо и метнулась в дом. Да пропади она пропадом со своими бреднями!

Раздраженно хмурясь, Ауднир посмотрел на склон горы. Трюмпа уже находилась на самой вершине, где установила ореховую жердь, зажав нижний конец между большими камнями. Длинный лошадиный череп она надела на верхний конец, обернув его зубами к горловиине фьорда. Ауднир содрогнулся: в этом черепе, оставшемся от сдохшего год назад рабочего коня, теперь жили злые духи. Это они скалили крупные желтые зубы, это они норовили сожрать все, что дышит и движется там, внизу... Хотелось спрятаться куда-нибудь от этого оскала, от пустого взгляда сквозных глазниц, но войти в дом колдунов Ауднир не решался. Холодная сла-

бость выползла откуда-то из живота и сковала его, и он стоял перед дверью, сжимая в ладони амулет, не в силах оторвать взгляда от черепа на жерди и маленькой серой фигурки, которая суежилась между камнями.

Старая Трюмпа тем временем набросила на голову полу своей грубой серой накидки и медленно двинулась вокруг жерди, направляясь против солнца. Каждый раз, сделав мелкий шаг, она останавливалась и топала ногами по земле, будто хотела разбудить что-то скрытое в темных каменных глубинах.

– Духи подземные, духи подгорные! – выкрикивала она, то повышая голос, то понижая, словно хотела голосом расшатать что-то огромное и неповоротливое. – Тролли лесные, племя камней! Зову вас, проснитесь! Услышьте меня! Зову на добычу, зову на поживу! Услышьте меня! Пусть тот, кто взял лошадь, не знает покоя! Гоните его, кусайте его! Рвите его! Пусть он бежит без оглядки, если сумеет! И нет вам покоя, подгорные тролли, пока он живет здесь! Я заклинаю вас именем Имира! Именем Видольва, и Видмейда, и Ангрбоды, и Сколля, и Гати! А кто ослушается меня, тот будет съеден Гармом!¹²

Старой колдунье не требовалось складывать особых заклинаний: она полагалась на силу вырезанных рун, на лошадиный череп и ореховое дерево, а еще больше – на свою способность будить и направлять скрытые силы земли и камней. Она думала о духах гор – и приближалась к ним; она обращалась к ним – и они ее слышали; она приказывала – и они выполняли ее желание. А приказывать она умела только одно: беспокоить и гнать. Сама душа старухи была вечно беспокойна и голодна, и за долгие годы ненасытная колдунья хорошо научилась бросать свое беспокойство на другого – на человека, на зверя, на духа. Разлад прилипчив, он везде найдет щелку! Он расшатает любую стену, он подроет любую гору! Он тоже вечно голоден, надо только позвать его и указать дорогу. Старуха звала, и тролли, слыша знакомый голос, визжали в жадном нетерпении: прежняя добыча доставляла им новую.

Холодный пронзительный ветер загудел над вершиной, стал раскачивать лошадиный череп. Вокруг Трюмпы вились стаями невидимые существа, знакомые и неведомые, мнимо покорные и явно опасные. И уже она не властна была над вызванными силами; пробудившиеся, теперь они кружили ее в своем хороводе, и она кричала, не помня себя, как часть чужого мира: холодного, бессмысленного, жадного, как лавина из снега и камня.

Ауднир смотрел, как старуха мечется и прыгает вокруг жерди, точно в нее вселился тролль. Нет, сотня троллей! Ему хотелось закрыться руками от ветра, режущего, бросающего дрожь в каждый сустав, словно в нем летят все недуги, какие только есть. Ветер доносил обрывки пронзительных криков, но это был не голос Трюмпы. Это визжала и выла целая свора троллей, готовая накинуться на жалких человечешек, которые добровольно отдали себя им во власть.

Да, но он-то пришел сюда не затем, чтобы любоваться судорогами безумной старухи и слушать ее тошнотворные завывания! Хватит. С усилием стряхнув оцепенение и взяв себя в руки, Ауднир повернулся и пошел прочь от избушки, словно спохватился и удивился, зачем оставался тут так долго. Можно не сомневаться: если Трюмпа берется за колдовство, то делает дело как следует. Ауднир все ускорял шаг, едва сдерживаясь, чтобы не побежать. Вслед ему скалил зубы лошадиный череп, раскачивался, угрожая пуститься вдогонку.

* * *

Внезапно налетевший ветер рванул крышу, избушка содрогнулась. Атла вздрогнула тоже, как будто составляла одно целое со своим случайным пристанищем. Выронив ложку, которой

¹² Видольвом зовется родоначальник ведьм, Видмейдом – родоначальник колдунов; Ангрбода – великанша, мать чудовищ, будущих губителей мира; Сколь, Гати – волки, угрожающие солнцу; Гарм – чудовищный пес в царстве мертвых.

мешала в котелке, она судорожным движением обернулась к двери: показалось, что прямо сейчас в избушку ворвется что-то огромное и страшное. Вальгард, дремавший на своей лежанке, открыл глаза и сел, резко втянул ноздрями воздух. Все это: шквал ветра, содрогание избушки, движение людей – составило один общий порыв, дрожь единого существа, которое чувствует близкую опасность.

Сильный сквозняк пробирал до костей, дым очага пригнуло к полу. Опомнившись, Атла бросилась к двери, на ходу стараясь плотнее запахнуть полысевшую накидку. Схватившись за холодный чурбачок, заменявший здесь дверное кольцо, она дернула дверь на себя, чтобы получше захлопнуть, и бросила беглый взгляд наружу. Там было не светло и не темно, а как-то серо. Едва миновал полдень, но небо погасло, деревья дрожали, точно боролись с кем-то невидимым. Издали катился вал ревущего ветра, хотелось пригнуться, закрыть голову руками. Испуг мешался с недоумением, и Атла стояла, держась за приоткрытую дверь и стараясь понять, в чем же дело. Странные бури у них на побережье...

«Старик идет!» – вспомнился навязчивый недавний страх, и Атле захотелось вжать голову в плечи. Она боялась глянуть вверх – а вдруг там уже нависла, заслоняя небо, серая громада Старика в развевающемся плаще, жадного до жертв Повелителя Битв, догнавшего их и здесь?

А на полянке перед избушкой прямо на снегу сидело что-то серое, живое. В глаза Атле бросилась круглая голова, знакомое лицо с обвислыми бледными щеками... Тот самый тролль, которого она встретила в лесу, сидел в трех шагах перед дверью и таранил на нее круглые бессмысленные глаза. Только теперь на нем не было шапчонки, и над серой, ржаво отливающей рыжиной шерстью, заменявшей ему волосы, поднимались торчком два длинных и тонких заячьих уха...

Увидев Атлу, тролль пошевелился. Невероятным усилием она дернулась, всем существом стремясь назад, в избушку, но не смогла двинуться. Тролль суетливо и поспешно поднялся на ноги, шагнул к избушке, поднял вверх руки, и Атле померещились вместо рук заячьи лапы. Дрожа крупной дрожью, тролль подпрыгнул на месте, и на его серой морде проступило странное выражение: он словно бы хотел напугать Атлу, но в то же время сам боялся ее до жути. Тролль выглядел так нелепо, что Атле не верилось в реальность происходящего. Ее челюсть судорожно дернулась, обозначая то ли смех, то ли рыданье, горло сжала судорога. Тролль явился сюда не по своей воле, чья-то сила пригнала его и держала за шиворот, не давая убежать. Не думая, только глядя на тролля застывшим от ужаса взглядом, Атла как-то разом почувствовала это. Дикий страх перед этой невидимой силой затопил душу.

А сила была уже здесь. Это она раскачивала деревья, она несла в лицо колючий невидимый снег, она ревела и гудела в небе, бешено мчала облака. У нее отсутствовало лицо, но она была везде.

– Вот чего придумали! – буркнул рядом знакомый голос, и сильная рука швырнула Атлу от порога назад, в глубину избушки. – Сожри вас всех Фенрир*!

Вальгард шагнул через порог наружу, и в руках у него был щит, который он вынес из погибающей усадьбы Перекресток. Не обращая внимания на тролля, не сгибаясь под ветром, он сделал несколько шагов вперед, поднял щит перед собой. Разрезанный надвое ветер завизжал, завертелся вокруг Вальгарда, кусая его сотней ртов и не в силах причинить вреда. Горячие зола и пепел с погасшего очага слепящим вихрем кружились по избушке, Атла закрывала лицо руками, но не могла отвести взгляда от Вальгарда и следила за ним через щелочку между пальцами. Она сидела на полу перед очагом, и мощная фигура Вальгарда за порогом казалась исполински огромной. Он был как Тор, вышедший на бой с великаном, и щит в его руках вызывал в памяти саги о битвах богов.

Истошно визжавший ветер через раскрытую дверь врвался в избушку; вместе с ветром до слуха сжавшейся и дрожащей Атлы стали долетать какие-то неразборчивые, но могучие

звуки. Постепенно до нее дошло, что это Вальгард поет. Его голос был так же могуч и дик, как ветер. В этой песне сверкали острые копыта молний и проносились тяжелые щиты туч; здесь были стрелы дождей и жаркое дыхание грома. Вальгард ревел и выл, как выла и ревела буря, он грохотал и хохотал, так что жизнь и нежить в испуге пятились, отступали. Теперь Атла почти не дрожала, а просто ждала: она поверила, что Вальгард справится с той силой, которая обрушилась на них неведомо откуда.

В усадьбе Перекресток его звали Вальгард Певец. Женщины посмеивались: никто и никогда не слышал, чтобы он пел. Глупые! Его песни предназначались не для них.

Постепенно ветер утих. Песня Вальгарда тесно переплелась с ним, связала, скрутила и унесла куда-то прочь. Напряженно ловя слухом ее отзвуки, Атла не сразу заметила, как Вальгард вернулся в избушку. Тяжелые шаги вдруг раздались прямо у нее над головой; вздрогнув, она отшатнулась от нависшей темной исполинской фигуры. Сейчас Вальгард казался ей чужим и страшным, почти неузнаваемым. Как испуганный зверек, Атла проворно отползла в дальний угол, чтобы великан ненароком не растоптал ее.

– Больше не будут так забавляться, – сказал Вальгард, опуская щит на пол в углу.

– Кто? – осмелилась подать голос Атла. Теперь, когда все успокоилось, недавний ужас казался невероятным. Уж не померещилось ли ей это все?

– Тот, кто вздумал разбудить всю эту стаю бешеных волков, – ответил Вальгард и сел на лавку, стал шевелить палкой в погасших углях. – Не знаю.

Вспыхнуло несколько искр, потянулся дымок. Атла глубоко вздохнула: человек сидит на лавке и помешивает палкой в очаге. Никаких великанов!

– Не знаю, – вполне по-человечески повторил Вальгард. – Кому-то мы помешали. А в этой земле смирные духи. Тут тихо. Кто-то их разбудил и силой послал на нас.

– А теперь? – недоверчиво спросила Атла.

– А я их послал обратно, – просто ответил Вальгард, будто говорил о самом обыденном деле. – На того, кто все это затеял. Будет знать.

– И правильно! – удовлетворенно одобрила Атла. Ей вспомнились фьялли: хорошо бы все беды этой войны послать на тех, кто ее затеял! Если бы нашелся кто-то достаточно сильный...

Взяв несколько маленьких поленьев, Атла принялась устраивать новый огонь взамен потухшего. Померещилось ей это, не померещилось – если много об этом думать, то уж точно сойдешь с ума!

– Послушай, а ты не великан? – поколебавшись, все же спросила Атла и снизу глянула в спокойное лицо Вальгарда.

Он выглядел усталым, веки опустились, и даже морщины на лбу углубились. А может, просто в полутьме так казалось.

– Нет, – коротко ответил он, не открывая глаз. – Был бы я великан...

«...я бы им еще не то показал!» – слышалось в умолчании. Атла деловито раздувала огонь, стараясь как-то примириться с мыслью, что рядом с ней живет если не великан, то кто-то весьма на него похожий. После первой растерянности эта мысль даже порадовала ее: внезапно она оказалась хозяйкой гораздо большего богатства, чем то, на что рассчитывала. Ни троллей, ни даже здешних жителей с таким товарищем можно не бояться.

Бояться самого Вальгарда Атле не приходило в голову. Она долго жила рядом с ним еще в усадьбе Перекресток и привыкла считать за своего.

«И все же надо отсюда уходить!» – внезапно сказал голос внутри нее, и она молча кивнула. Вот только подсказал бы кто-нибудь – куда.

* * *

Весь вечер Хельга не знала покоя и чувствовала себя больной. У нее кружилась голова, мелкая дрожь сбивала дыхание, непонятное беспокойство не давало сидеть на месте, но при любом движении ее охватывало ощущение, что она падает в бездонную пропасть.

– Я пойду и разберусь с этой старой колдуньей! – возмущался Даг. – Отец, я возьму человек десять, и мы прогоним этих колдунов! А дом их сожжем! Я помню, что ты говорил про «мирную землю», но это уже чересчур! Хельга из-за них заболела – это уж слишком, этого нельзя стерпеть!

– Подожди, это надо как следует обдумать! – уговаривал сына хёвдинг, который никогда и ничего не делал впопыхах. – Прогнать колдунов надо, но как бы от этого не стало хуже! А убивать их надо умело – иначе после смерти они наделают еще больше вреда! Надо послать к вашему деду Сигурду посоветоваться.

– Так что же, сидеть и ждать, пока Хельге станет совсем плохо? Ты слышал, на тинге рассказывали, у одного человека с запада колдуны своими заклинаниями погубили сына? Он только вышел за порог, как упал мертвым от их заклинаний!

– Поезжайте к Гудмоду! – посоветовала фру Мальгерд. – Пусть он поговорит со своим братом и выяснит, что за брагу он там заваривает вместе со старой Трюмпой! Конечно, Гудмод и сам не великий мудрец, но Оддхильд должна понимать, что шутки с колдовством до добра не доводят. Она умная женщина. Только, Хельги, не говори ей всего этого прямо, а так подведи, будто она сама догадалась. А то она назло мне сделает все наоборот. Ты же ее знаешь.

– Надо совсем сойти с ума, чтобы связываться с колдунами! – негодовал Даг, в глазах которого Ауднир был не меньше виноват в нездоровье Хельги, чем сама старая Трюмпа. – У них, как видно, вся семья такая – не в своем уме! Один притворяется морским конунгом и думает, что это очень смешно, другой корчит из себя великого колдуна! О чем они только думают!

– Тише, сын мой! – Хельги хёвдинг положил руку на плечо Дагу, который был выше его на целую голову. – Твое возмущение понятно, но не скажи ничего такого им самим. Что бы ни случилось, с Лабергом мы должны жить мирно. Ты сам знаешь, что это за род и сколько он весит на восточном побережье.

– Значит, их предки были умнее! – непримиримо отозвался Даг. От волнения и негодования он раздумялся, его глаза сердито сузились. – И умели добывать славу делами, а не дурацкими шуточками и не женским колдовством!

– Ничего! – утешила его бабушка. – В конце концов каждый получит то, что заслужил. При жизни или после смерти, но каждый получит свое.

Даг не ответил. У него хватало благоразумия держать свое мнение при себе, когда высказывать его было неуместно. Но, судя по выражению его лица, заслуженное родом из Лаберга будущее представлялось ему незавидным.

В усадьбу Лаберг хёвдинг с сыном отправились наутро. К этому времени Хельга почти успокоилась, но вчерашняя дрожь еще жила где-то в глубине.

– Скажи Брендолву, чтобы заезжал в гости! – просила она Дага. После наплыва гостей во время йоля будничное течение дней казалось ей особенно скучным.

Провожая отца и брата, Хельга добрела до берега моря и долго стояла на мысу, глядя вслед удаляющимся всадникам. Но вот они скрылись за выступом прибрежных скал, последнее человеческое движение растворилось в покачивании еловых лап. А ели все не могли успокоиться, трясли зелеными рукавами под порывами влажного морского ветра – то ли прощались, то ли подавали знак... Хельга следила за их суетой, пока не устали глаза, но так и не поняла,

что они хотели ей сказать. А ели все махали руками, и это движение стало казаться ей однообразным, бессмысленным.

Хельга огляделась и внезапно ощутила себя одинокой. Вернее, непохожей на то, что вокруг. Все это она знала с детства: море, шуршащее ледяной крошкой в полосе прибоя, коричневые мокрые скалы, огромные валуны, широкой полосой лежащие на песке, как спящее стадо тюленей. По спинам «тюленей» можно уйти далеко-далеко, ни разу не ступив на песок. Меж валунами кое-где торчали тонкие метелки колючего шиповника, выше по берегу начинался ельник, а дальше горбили мохнатые спины прибрежные холмы, тоже похожие на заснувших зверей... Неживые создания вовсе не казались Хельге мертвыми – они только заснули в ожидании своего часа. И она слышала их дыхание – глубокое, очень ровное и очень медленное. Сон, рассчитанный на долгие-долгие века, жизнь, измеряемая иными мерами времени... Что такое человеческий век рядом с веком камня? И наверное, человеческая беготня с места на место елям и валунам кажется бессмысленной.

Вдоль моря пролетел крупный черный ворон. Он держался точно над полосой прибоя, как страж, обходящий границу. Медленно взмахивая крыльями, вестник Одина ловил потоки морского ветра и почему-то смотрел вслед уехавшим. Увидеть ворона, следующего за путниками, – добрый знак. Хельга помахала рукой вслед птице, по-детски, бессознательно приветствуя в ней Отца Богов.

Ах, как хорошо валунам и елкам – им незачем торопиться жить, они не ссорятся, не воюют... «Зачем же Ауднир потащил к Трюмпе лошадиный череп?» – ломала голову Хельга, уже не глядя по сторонам. В глазах обитателей Хравнефьорда старая Трюмпа воплощала все самое темное и злое, и даже думать о ней казалось опасным. Лучше бы Аудниру к ней не ходить! Сумеет ли Хельги хёвдинг отговорить его? Если еще не поздно... Хельга тревожилась за исход их поездки и всем сердцем желала, чтобы отец нашел средство поправить дело. Но бесполезно было бы спрашивать, что именно она считает нужным «поправить». Жадность Ауднира, который из-за несчастной лошади готов разбудить духов земли и неба и сам Мировой Ясень поставить с корней на крону? Войну, во время которой отовсюду выползает худшее, что только есть в людях и нелюдях? Мир, в котором это худшее существует и лезет на глаза охотнее хорошего? Или мы лучше его замечаем?

Хельга вздохнула, посмотрела вдаль. Ее внимание привлекло движение на берегу: из-за кустов шиповника меж валунами показалась высокая человеческая фигура. С первого взгляда Хельга не узнала пришельца и посмотрела внимательнее, недоверчиво моргая. Откуда в Хравнефьорде возьмется незнакомый? Кораблей никаких не приходило...

Пришелец был высок ростом, худощав, зачесанные назад блестящие черные волосы лежали очень гладко. Он кутался в широкий черный плащ, под которым не виднелось ни оружия, ни дорожного мешка. Его лицо со впалыми щеками и удивительно густыми черными бровями было спокойно, он шагал размеренно, и только ветер беспокойно трепал полы черного плаща.

Хельга заинтересованно шагнула вперед. Пришелец направлялся прямо к ней. Чем ближе он подходил, тем выше ростом казался; Хельга еще никогда не встречала такого высокого человека.

– Да хранят боги твой путь! – торопливо воскликнула она. – Кто ты такой?

– Боги хранят тебя, Хельга дочь Хельги! – ответил пришелец и остановился в трех шагах перед ней. – Зови меня Хравном, другого имени у меня нет.

Его отрывистый голос резанул уши и показался похожим на крик ворона: что ни говори, а имя у незнакомца оказалось подходящее.¹³ Облик его настолько поразил Хельгу, что она рассматривала нового знакомого, не спросив даже, откуда он здесь взялся. Лицо его казалось

¹³ «Хравн» – «ворон».

неподвижным, отстраненным, как у спящего, хотя глаза были открыты и живо блестели. Брови, надломленные ближе к внешнему краю, загибались вниз дальше, чем обычно у людей, и от этого его глаза, четко обрисованные, властно притягивали к себе взгляд. В этих глазах светился ум, но Хельга почему-то вспомнила помешанного Фюри, сына одного из соседей, который жил зиму и лето на дальнем пастбище. Почти то же выражение – внешнее спокойствие и внутренняя жизнь, совсем не похожая на общую и непонятная. Только помешанный Фюри и сам никого не понимал, а Хельга не сомневалась, что Хравн понимает ее отлично. Почему же она его не знает? Может, он тоже живет на дальнем пастбище...

– Я видел, как уехали твои отец и брат, – продолжал Хравн. – С ними ничего не случится, а вот тебе не стоит ходить здесь одной.

– Почему?

Эти слова удивили Хельгу: она не привыкла бояться чего-нибудь возле своего дома.

– Потому что сейчас тут стало беспокойно, – ответил Хравн.

У Хельги что-то дрогнуло внутри: Хравн излучал тревогу. Не угрозу, а именно тревогу, точно видел опасность, грозящую ей, Хельге. Ей хотелось оглядеться по сторонам в поисках этой неведомой опасности, но Хравн не отпускал ее взгляда. В его неподвижном, четком лице пряталась восхитительная, волнующая тайна. Казалось, что прямой крупный нос, жестко сомкнутый рот, твердый подбородок есть только оболочка, а из-под всего этого тайно смотрит какое-то совсем иное существо... иная сущность...

– Хельги хёвдинг поздно вато собрался в дорогу – Ауднир уже сделал свое дело, – добавил Хравн. – Старая Трюмпа разбудила духов.

– Разбудила духов? – ахнула Хельга.

Хравн кивнул, но Хельге и не требовалось подтверждений. Со вчерашнего дня ее тревожило смутное ощущение, что в мире за низкой каменной стеной усадьбы что-то изменилось. И сейчас она вдруг прозрела, точно Хравн распахнул дверь и впустил свет в темный дом. Опоры мира пошатнулись. Лес, земля, горы, даже само море утратили покой; их существо волновалось, двигалось, неясные силы искали выхода. И ветер вдруг загудел по-иному: в нем слышалось трудное, лихорадочное дыхание больного побережья. Вокруг царил разлад, и Хельга слышала его в каждом дрожании ветки. Где-то здесь невидимо бродили духи, разбуженные и не нашедшие применения своим силам. «Спящие тюлени» на песчаной полосе зашевелились в сумеречных тенях, готовые проснуться и сдвинуться с места, горы дрогнули и круче выгнули спины, собираясь потянуться, подняться... Хельга ахнула, тряхнула головой: все пропало, успокоилось. Но она не верила этому покою.

– Что же это? – торопливо воскликнула она, надеясь, что Хравн что-нибудь ей объяснит. – Я знаю, я их слышу! Они проснулись! Что же будет?

– Они ищут себе поживы! – перебил ее Хравн. Его крылатые брови подрагивали, высокий выпуклый лоб морщился от усилия, точно он с трудом подбирал слова. Слова, но не мысли. Хельга твердо знала, что ему есть что сказать, и она с настоящим терпением следила за его прерывистой речью. – И они нашли старую Трюмпу. Те, на кого она думала натравить духов, оказались сильнее и послали духов обратно. Теперь духи вцепились в Трюмпу и терзают ее. Они съедят ее и тогда бросятся на остальных.

Его черные глаза при этом смотрели так серьезно и тревожно, точно он хотел сказать ей больше, чем мог. Он чего-то хотел от нее, то ли подталкивал к какой-то мысли, то ли ждал вопроса. Хельгу пробирала дрожь от мучительного желания понять, что же все это означает. Пока Хравн стоял рядом с ней, эта дрожь поднималась откуда-то изнутри и сейчас так выросла, что девушке стало трудно дышать. Перед ее мысленным взором носились духи – неясные, туманные вихри, неукротимые и опасные. Горы сдвинутся с места... «Солнце черно; земли

канули в море. Звезды срываются вниз с вышины...»¹⁴ – запело в памяти древнее пророчество, и опять возник вопрос, полный ужаса и недоверия: неужели это – про нас?

– Но что же делать? – с мольбой спросила Хельга, моля избавить ее от страшных видений. – Кто же теперь их уймёт? Только тот, кто вызвал?

– Нет, почему же? – Хравн слегка дернул плечом вверх, и это движение показалось Хельге странным. Она не знала почему – просто люди так не делают. – Унять их может кто угодно. Главное, чтобы хватило сил.

– А у кого хватит? – спросила Хельга. Она не очень-то понимала, что говорит: сейчас и вокруг нее, и внутри нее происходило что-то настолько странное, что она не могла опомниться. Неясное, но грозное движение сил захватило ее.

– Вот это и нужно выяснить, – сказал Хравн и посмотрел ей прямо в глаза. – Хватит ли у кого-нибудь...

Хельга содрогнулась. Глаза Хравна были совсем черными и глубокими, как Нифльхель, мир мертвого мрака, где текут темные реки. Бездонные глаза, окна в какие-то иные, непостижимые миры... На первый взгляд, обыкновенный человек лет тридцати, только очень смуглый и черноволосый, но мало ли откуда он родом?

Однако чем дольше Хельга смотрела на Хравна, тем больше, казалось, видела: так бывает, если вглядываешься в глубокую, но чистую и прозрачную воду. Сначала не видишь ничего, кроме висящейzybучей тьмы, а потом взгляд погружается в нее, и она проясняется, ты видишь все более глубокие слои и наконец можешь разглядеть даже дно, камни, коряги... Здесь до дна было слишком далеко, но Хельгу переполняло чувство близости чего-то необычного, восхитительное и пугающее одновременно. Рядом с ней стоял не просто человек, а мощный источник каких-то иных сил. Но она чувствовала не страх, а томительное желание проникнуть в эту тайну, узнать, понять. И разгадка казалась так близка...

– Для начала попробуйте узнать, что за тролли явились к нам и поселились на Седловой горе, – сказал Хравн, без слов поняв ее вопросы. – Для этого не нужно много народу. Пусть пойдут те, кто не хочет сидеть и смирно ждать своей судьбы. А уж там все будет зависеть от вас. Как вы себя покажете...

– А там что-то очень страшное? – спросила Хельга. Вопрос прозвучал совсем по-детски, но рядом с Хравном она ощущала себя маленьким и глупым ребенком. Никакие ему не тридцать лет... А сколько? Он сказал «для начала»? Значит, потом можно будет узнать и больше?

– Страшное? – озадаченно повторил Хравн. Он как будто не знал этого слова, потому что для него самого на свете не существовало ничего страшного. – Это как поглядеть. На землю квиттов пришла вражда. Если она победит – вот тогда будет страшно. Тогда весной вместо поля тинга здесь будет поле битвы. А если люди победят ее – тогда...

– Что – тогда? – жадно подхватила Хельга. Это – самое главное. Тайны Нифльхель могут подождать.

– Тогда можно будет жить дальше, – просто ответил Хравн. – Ваша судьба ждет вас в избушке на Седловой горе. Ты знаешь эту избушку?

Хельга кивнула.

– Если понадобится, я укажу вам дорогу, – пообещал Хравн, как будто уже знал и кто пойдет, и что при этом случится.

Вдоль берега плыла рыбацья лодка – достаточно близко, чтобы Хельга мимоходом узнала Торда рыбака с сыном. По привычке она помахала рукой, Сквальп ответил тем же. Хравн даже не обернулся. Глядя на море, Хельга чувствовала на своем лице его внимательный, пристальный взгляд, и ей было неуютно, точно он видел ее насквозь. Вдруг она ощутила усталость от этой беседы. Именно из-за его присутствия на нее обрушились все эти непонятные, мощные

¹⁴ «Старшая Эдда», перевод С. Свириденко.

ощущения, точно она внезапно стала сердцем, через которое непрерывными толчками проходит кровь всего побережья. А быть сердцем так тяжело!

– Ты устала, – тихо сказал Хравн, и Хельга даже не удивилась, что он знает об этом. – Да, много видеть – тяжело. Приходится брать на себя жизнь всего, что видишь. Постарайся брать себе побольше света – он придает сил.

– Света? – повторила Хельга.

Хравн молча окинул взглядом небо, море, лес. Едва он отвел глаза от ее лица, как Хельге сразу стало спокойнее, она вздохнула легче, но тут же ее наполнило ощущение близкой потери. Как будто она стоит над обрывом и держит в руках что-то очень дорогое, что вот-вот полетит в холодные бездонные волны...

Хравн снова посмотрел на нее, и Хельга без слов поняла: больше ничего он не может ей сказать. Хотел бы, но не может. Он не знает подходящих слов, а может быть, она не поймет. Ей было больше нечего ждать от этой странной встречи и все же не хотелось расставаться с ним. Они стояли друг против друга и молчали, и почему-то Хельга знала, что Хравн тоже медлит с прощанием.

– Ты – теплая, – вдруг сказал Хравн, понизив голос почти до шепота, и Хельга задрожала.

Сильное биение огромного сердца вдруг сменилось тихим, робким, но особенно глубоко проникающим трепетом. Хравн протянул узкую смуглую руку и коснулся ее руки, слегка погладил пальцы и тут же оставил. Хельга стояла застыв, не имея сил двинуться, точно он наложил на нее чары неподвижности, и даже не поняла, холодной или горячей ей показалась его рука. Она была рядом и притом где-то далеко. Коснулся ли он ее на самом деле?

– Если ты очень захочешь увидеть меня снова – позови, – так же тихо сказал Хравн. – И не бойся меня. Я беру только то, что мне хотят отдать. И чем больше мне отдают, тем богаче становятся.

Хельга наконец подняла глаза и посмотрела ему в лицо. Оно оставалось застывшим, почти нечеловеческим, но вдруг вызвало в ней желание как-то помочь ему. Но чем и в чем? В груди Хельги шевелилось какое-то теплое чувство к этому странному человеку, силы ее души стремились к нему, но не знали дороги. Хравн опустил глаза и молчал, прислушиваясь к чему-то, и Хельге показалось, что он похож на путника, долго блуждавшего по холоду и ненадолго остановившегося у чужого огня. Надо идти дальше, но чудесное ласковое тепло не пускает, обволакивает мягкими волнами, держит в плену, который предпочтешь любой свободе...

– Иди домой, – вдруг сказал Хравн и отступил от нее на шаг. Хельга тоже отшатнулась, торопясь порвать эту непонятную связь, пока еще можно, а он продолжал, глядя в землю под ногами, и голос его звучал глухо. – Я провожу тебя... Не оглядывайся, но до дома с тобой ничего не случится. А больше не выходи за ворота одна. И помни – пока духи не вцепились в каждого, как в старую Трюмпу, с ними нужно бороться. Реку нужно останавливать в истоках. Попробуйте. А сейчас иди. Иди!

Хравн прижал руку ко лбу, прямые черты его лица болезненно исказились, и Хельга поняла, что ей нужно бежать отсюда со всех ног, потому что ее присутствие чем-то мучит его. И она побежала – не простившись, не оглянувшись. Она бежала знакомой тропой вдоль берега, потом от моря по долине к усадьбе, и ей казалось, что каждое дерево оглядывается ей вслед, каждый камень провожает ее глазами, и все они шепчут, шепчут непонятными языками о том же, о чем она говорила с Хравном. И о них двоих, об их странной встрече на берегу шепчут тоже. И этот шепот подхватывает вся земля, все девять миров Низа, Середины и Верха, и всем почему-то есть дело до нее, маленькой Хельги из усадьбы Тингваль, хотя Тингваль, Квиттинг-ский Восток, да и сам Квиттинг – не такие уж важные птицы в просторах девяти миров. Хельга задыхалась, прижимала кулак к сердцу, чтобы оно не выскочило, но не могла убежать от этих невидимых взглядов, от этого неслышного шепота.

Перед воротами усадьбы Хельга остановилась, постаралась отдышаться и скрыть свое волнение. Она не хотела никому ничего объяснять – у нее появилась важная тайна, принадлежащая только ей. Прошли те времена, когда она видела в воде лица морских великанш и с детской непосредственностью тут же всем рассказывала об этом – домочадцы только посмеивались и называли ее выдумщицей. Больше она не хотела этого.

Когда она вошла в кухню, Торд рыбак с сыном еще сидели среди челяди.

– Добрый день тебе, йомфру! – Сквальп смущенно ухмыльнулся, как всегда при встрече с ней, и поклонился.

– Мы видели, как хёвдинг проезжал по берегу, – подхватил Торд рыбак. – Наверное, скоро он вернется, и тебе не придется гулять одной.

– А разве вы не видели... – начала Хельга и запнулась. Она и сама догадалась, что не видели. Хравна не мог видеть никто, кроме нее. Он принадлежал ей, как сон, как мечта...

– Да, невесело гулять зимой! – вздохнул Торд. – На всем берегу – ни единой живой души. Только ворон пролетел – и никого. То ли дело весной! После Праздника Дис начнется гулянье – тогда уж тебе, йомфру, не придется скучать!

– Вот тогда мы попляшем! Смотри, Сольвёр, я не позволю, чтобы этот увалень, Арне Бычок, опять увел тебя из-под носа, как в прошлом году! – воскликнул Равнир.

– Из-под такого носа трудно увести! – фыркнула какая-то из женщин. – Бежать придется целый перестрел.

Равнир встал на защиту своего носа, домочадцы засмеялись, заговорили, стали вспоминать прошлогодние «кукушкины гулянья» и загодя радоваться предстоящим. То и дело кто-то поглядывал на Хельгу, она слышала имя Брендолльва, но только улыбалась в ответ, не понимая ни слова. Здесь, дома, возле очага, в родном и нерушимо надежном кругу домочадцев, на нее вдруг снова повеяло свежим ветром с моря, запахом волны, дальнего ельника, холодных влажных валунов. Этот ветер пришел с ней сюда, она принесла его в сердце. И на ветру парил, расправив крыльями руки под черным плащом, смуглый худощавый человек с густыми черными бровями. Нет, не человек. Возле очага, среди живых людей и надежных, знакомых предметов Хельга со всей ясностью осознала, что ее новый знакомый – совсем не такой. Он был духом этого берега, этих камней и деревьев. И Торд со Сквальпом не видели его. Только ворон полетел, и больше ни одной живой души... Только ворон...

* * *

К вечеру Хельги хёвдинг и Даг вернулись. С ними приехал Брендолльв, и Хельга ничуть не удивилась, увидев его.

– Говорят, Трюмпа заболела! – весело и возбужденно рассказывал он. – Какой-то бонд приходил, он говорит, что к нему приходил кто-то из сынков этой старой троллихи и просил молока. Говорит, на нее напали духи, которых она вызвала!

– Так ей и надо! – сказал Орре управитель.

Обитатели Тингваля выслушали новости скорее с удовлетворением, чем с сочувствием: всем очень понравилось то, что колдовство Трюмпы навлекло беду на ее собственную голову.

– Кто роет могилу другому, ложится в нее сам! – заговорили во дворе.

– Вот тебе и колдовство!

– Так оно и бывает!

– Я всегда говорила!

– Плоховато старуха умеет колдовать! – усмехнулся Равнир и обнял Сольвёр, которая выглядела слишком растерянной, чтобы сопротивляться.

– Ну уж теперь-то мы разберемся, что там такое! – бодро говорил Брендолльв. – Тролли это, не тролли – теперь им недолго здесь оставаться!

Брендольв был явно рад, что все так получилось. После заморских походов он опасался заскучать дома, где даже пьяных драк на пирах не случается. Тролли это или нет – поход даст случай прославиться, а это главное! Приобретя немало взрослого опыта, Брендольв оставался тщеславен, как двенадцатилетний подросток, которого только что опоясали мечом. Ему не терпелось скорее отправиться на поиски, и он даже злился на Дага, который принялся готовиться к походу с обычной обстоятельностью.

– Неизвестно, сколько нам придется их искать, – рассудительно приговаривал сын Хельги хёвдинга. Ему даже нравилось нарочитой неторопливостью дразнить Брендольва, который так и горел жаждой новых дурацких подвигов. – И одеяла, и еда пригодятся. Лучше взять побольше, чем голодать и мерзнуть. И вообще зря ты хочешь идти вдвоем. Лучше взять еще человек десять – не помешает...

– Много людей брать не надо, – возразила Хельга, вспомнив слова Хравна. – А я пойду с вами.

– А ты не пойдешь, – миролюбиво, но твердо ответил Брендольв. – Биться с троллями – занятие не для девушек. Мы привезем тебе в подарок их головы. Хорошо? – И он подмигнул, надеясь, что этим уладил дело.

– Нет, я пойду. – Хельга спокойно кивнула. – Без меня вы их не найдете.

«Весной вместо поля тинга здесь будет поле битвы», – сказал Хравн. Хельге было так тревожно, что даже гребень валился из рук. Воспоминания о Хравне пугали, но неудержимая сила влекла Хельгу к ним. Встреча с ним прояснила ее взор, обострила слух, и теперь Хельга днем и ночью слышала голоса потревоженной земли. Беспокойные духи камней и деревьев, воды и воздуха, духи незнакомые, не имеющие имени и облика, носились над Хравнефьордом в поисках поживы. Каждый миг промедления казался непоправимым, и Хельга всей душой стремилась исполнить совет Хравна: поискать на Седловой горе тех, с кого это началось.

– Без нее мы и правда их не найдем, – неожиданно поддержал ее Даг, и Брендольв посмотрел на друга как на сумасшедшего. Всю жизнь, сколько он помнил, Даг старался оберегать Хельгу от малейшего дуновения ветра, и Брендольв не сомневался, что уж теперь-то Даг будет на его стороне! А тот был вдвойне рад взять сестру с собой: во-первых, она этого хотела, а во-вторых, участие девушки снижало величие «подвига». Как Брендольв ни гордится собой, а можно будет сказать, что он играет в игры для девочек!

Дагу не была свойственна вредность или мстительность. «Я не злопамятный, напомните мне потом!» – шутил он иногда. Но обида на «Логвальда Неукротимого» до сих пор жила в глубине души, и возможность сделать что-нибудь назло лучшему другу доставляла тайное смутное удовольствие. Даже Хельге Даг не признался бы в этом, но раздосадованное лицо Брендольва его радовало, и он, нарочито тщательно проверяя каждый ремень и каждую пряжку, украдкой бросал на товарища веселые взгляды.

– Что ты, не ходи! – отговаривала Хельгу встревоженная Сольвёр. – Чего тебе там делать? Да и хёвдинг тебе не позволит! Тролли там или не тролли, но искать их – занятие не для девушек!

Однако Хельги хёвдинг не видел причин запретить дочери идти туда, куда идет сын. Он тоже не слишком верил в троллей, а защиту Дага и Брендольва считал достаточно надежной. В конце концов, видели только одного мужчину и одну женщину с ребенком – воинство не слишком грозное.

Отправились они сразу, как рассвело. Лошадей решили не брать, поскольку дорога не дальняя, а в лесу они только помешали бы. Брендольв был весел, махал рукой на прощанье и обещал принести троллиные головы. Хельга выглядела сосредоточенной, а Даг думал о том, что услышал на прощанье от бабушки.

– Все это война! – сказала ему фру Мальгерд. – Старая Трюмпа виновата, но не слишком. Что-то сломалось уже давно, еще летом. А наши тролли – это только рябь на воде. Если вы их и поймаете, это не очень-то поможет делу.

– Но не сидеть же возле очага, сложа руки, – ответил ей Даг. – Нужно сделать хоть что-то. Хоть немного. Если бы каждый выловил того тролля, который живет у него под боком, то всем стало бы легче. Может, и эта война не затянулась бы надолго.

– Чего – кончится война? – воскликнул Брендолльв, услышавший лишь несколько слов. – Войне еще рано кончаться! Я еще не совершил ни одного подвига. Достойного упоминания, конечно. Нападение на Тингваль, так уж и быть, считать не будем!

Брендолльв засмеялся, и Хельга тоже засмеялась, а Даг в досаде отвернулся. Поглядите-ка – он еще собой гордится! Поменьше бы их требовалось, этих подвигов! Разве так уж плохо сидеть вокруг очага, когда все живы и здоровы?

В день великой битвы с троллями погода выдалась неплохой. Снег опять подтаял, земля полиняла: островки снега чередовались с рыжими пластами слежавшейся хвои, серыми гранитными выступами, темно-зеленым подмерзшим мхом. Мягко светило солнце, не мешая глазам; с юга тянуло ветерком.

– Погуляем в свое удовольствие! – рассуждал довольный Брендолльв, шагая по тропе от усадьбы на север. – Конечно, троллей нам не встретить, но зато все будут знать, что по округе можно ходить вполне безопасно. А то смех один! – Брендолльв хохотнул и перекинул копье с одного плеча на другое. – Вчера вечером какой-то рыбак с побережья... Грим или Глум, не помню, как его там, прибежал к нам звать Альфриду к своей жене – рожать вздумала на ночь глядя. А Альфрида уперлась – не пойду, говорит, меня тролли съедят.

– И что же? – серьезно спросил Даг.

– Чего? – Брендолльв пожал плечами. – Отец посмеялся, а мать велела дать Альфриде лошадь. На лошади-то тролль не догонит... Бредни все это! – решительно кончил он чуть погодя, видя, что брат и сестра не смеются. – Выдумали тоже! Одному дураку померещилось спяну, другой тоже захотел прославиться, вся округа перепугалась. А чего? Как дети. Властитель Ратей! Да я в пять лет перестал верить в троллей! Станут боги сотворять такую дрянь! Каждому надо хоть раз в жизни поплавать по морям, поглядеть, чего в мире делается на самом деле. Тогда поубавится охоты трепать языками и выдумывать глупости. А от Кнёля я не ожидал. Он всегда был мужчина с головой. Говорят, старый что стареет, то дурнеет.

– Перестань! – хмуро сказала Хельга. Ей совсем не понравилась эта длинная речь, и она с трудом утерпела, чтобы не перебить. – Если ты сам чего-то не видел, это не значит, что этого не бывает. И тролли бывают. Я знаю!

При этих словах Хельге опять вспомнился Хравн. Если может существовать такой, как он – человек и не совсем, с неподвижным бесчувственным лицом и пугающе живыми, умными глазами, – то почему бы не быть на свете и троллям? И Хельга мысленно вглядывалась в это, запомнившееся до мельчайшей черточки лицо, стараясь прочитать в нем все то, что не открылось ей при встрече.

Брендолльв небрежно хмыкнул.

– Я тоже могу сказать, что конунга кваргов не бывает, – добавила обиженная девушка. – И Вертер... Вратер... – Бывалый путешественник усмехнулся ее попыткам выговорить название говорлинского города Ветробора, и Хельга окончила: – Ну, того города, где ты купил шлем со стрелкой на носу. Не бывает! Я же их не видела!

– Ладно, ладно! – снисходительно согласился Брендолльв с видом взрослого, которому наскучил шуточный спор с ребенком. – Пусть будут тролли, если уж тебе так хочется. Мне не жалко.

Хельга не ответила, а Брендолльв вздохнул про себя. Весь этот разговор навел его только на одну мысль: со сватовством и свадьбой придется подождать. Хельга такая хорошая, веселая

и добрая, но по своим понятиям она сущий ребенок! И все же есть что-то хорошее, утешающее в том, что она на семнадцатом году жизни верит в детские сказки. Добрые норны не дали ей узнать те опасности, которые есть на самом деле! И лучше бы не давали никогда!

В стороне от дороги, за низкими, поросшими мелким сосняком холмами, дремало море. Хельга прислушивалась к шуму волн, как к дыханию живого существа, исполинского и малопонятного. Где-то в глубине его грезит во сне прекрасная дочь Эгира*, Небесный Блеск, и дожидается лета. А летом, когда солнце засияет ярко и растопит крошево льда в полосе прибоя, она поднимется со дна, и красота ее заблестит на всем широком просторе, возвращая небу отраженный свет, и ее зеленовато-голубые глаза будут искриться в каждой волне... Опустив веки, Хельга любовалась видением летнего моря, ощущала плотное тепло соленой воды, волнуемый свежий запах, ей мерещилась капелька, сохнувшая на щеке. И крупный ворон, ослепительно-черный, медленно парит над полосой прибоя, широко раскинув мощные крылья...

И вдруг она споткнулась. Бдительный Даг подхватил сестру, Брендолв остановился.

– Я так и думал! – с удовлетворением сказал он. – Если ходить с закрытыми глазами, то рано или поздно упадешь.

– Я не оттого! – ответила Хельга. Небесный Блеск и летнее море были забыты, зато она вспомнила, ради чего они выбрались из дома. – Здесь прошел тролль!

– О! – Брендолв мигом оживился и переложил копье с одного плеча на другое. – Где? Как ты узнала? Тут есть след?

Он принялся рассматривать снег и землю под ногами, но обнаружил лишь пару старых, полурастаявших заячьих следов.

– Здесь есть след, – сказала Хельга. – Только его не видно.

– А как же ты его видишь? Ты не выдумываешь? – на всякий случай уточнил Брендолв.

Хельга мотнула головой. Зачем выдумывать то, что есть на самом деле? След не отпечатался на земле, где оставляют следы все обычные существа, он был разлит в воздухе: тянуло холодком, похожим на холод зимнего камня. Таков след тролля – существа промежуточного между людьми и животными, животными и камнями, жизнью и не-жизнью. Хельге не так уж часто случалось на него наткнуться, и сейчас она дрожала от волнения и даже взяла Дага за руку. Близость нежити давала ей неприятное ощущение болезни: точно тролль отнимал у нее часть ее собственной жизни.

– Вон туда! – пересиливая нежелание следовать за неприятным существом, Хельга показала на узкую прогалину в сосняке. Сосняк поднимался в гору.

– Седловая гора! – воскликнул Даг. – Мы пришли туда, куда надо! Ведь здесь Кнёлъ встретил того тролля!

– Надеюсь, он и нас подождет! – бодро воскликнул Брендолв и первым зашагал по склону.

Даг шел за ним не так поспешно, внимательно оглядываясь по сторонам и ожидая под каждым кустом увидеть... Норны знают, каким окажется тролль, и Даг заранее был готов ко всему. Держась за его руку, Хельга вертела головой по сторонам, приглядывалась, прислушивалась к деревьям, кустам, валунам, «причувствовалась», как она сама это называла. Более подходящего названия не имелось, поскольку из всех известных ей людей только она сама имела странную, маловероятную способность воспринимать мир еще каким-то дополнительным чувством. Она ощущала настроение живых и неживых созданий, больше даже тех, которые считаются неживыми. Деревья и камни несуетливы, они внимательны, памятьливы и неболтливы. Они говорят только о главном.

Спокойно, спокойно... Тихая дрема в ожидании весны, когда веточки бездумно покачиваются на ветру... Когда иней покрыл поверхность гранита, а в глубине валуна сжалось в холодный комок его сердце и дремлет, дремлет в ожидании дня, когда тепло расширит поры в какой-то неисчислимый раз, – валуны живут долго. Хельга шла медленно, плавно перемещаясь из

одного поля в другое, без рывков, чтобы не кружилась голова, и слушала, слушала... Ее сознание дремало, она тоже стала деревом, камнем, мхом и хвоей, не целиком, а чуть-чуть, только чтобы понять... Ветер и бледный солнечный луч скользили сквозь нее, как сквозь облачко дыма, и тела у нее не было – оно ей не требовалось...

И вдруг – мягкий укол тревоги, как тупая иголочка. Здесь прошел тролль. Прошел чужой. Крошечная, ростом с шестилетнюю девочку, березка беспокойно машет задержавшемся на верхней ветке желтым листочком. Здесь прошел тролль. Не дерево, не камень, не зверь и не человек, существо пограничное и потому странное для всех сторон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.